

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Т.Г. ШЕВЧЕНКО

Филологический факультет

Кафедра английской филологии

Кафедра русского языка и межкультурной коммуникации

О.В. ЩУКИНА, Н.В. КРИВОШАПОВА, Е.Г. ЛУГОВСКАЯ

**ФОНЕТИЧЕСКАЯ
И ГРАММАТИЧЕСКАЯ
ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ
И ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКАМ
БИЛИНГВОВ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ**

Монография

Тирасполь
*Издательство
Приднестровского
Университета*
2018

УДК 81.2: 37.02

ББК 81.2

Щ95

Рецензенты:

С.А. Дерябина, канд. пед. наук, доц. каф. русского языка и методики его преподавания филологического факультета РУДН (г. Москва)

О.В. Балан, канд. пед. наук, доц. каф. английской филологии филологического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко

О.В. Литвин, канд. филол. наук, доц. каф. русской и зарубежной литературы филологического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко

Щукина О.В., Кривошапова Н.В., Луговская Е.Г.

Щ95 Фонетическая и грамматическая интерференция при обучении русскому и иностранному языкам билингвов в Приднестровье: Монография. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2018. – 116 с. – (в обл.)

ISBN 978-9975-925-37-2

В монографии освещаются вопросы специфики обучения русскому и иностранному языкам национально-русских билингвов Приднестровья и рассматриваются основные интерференционные процессы, которые неизбежны при длительном взаимодействии различных языковых систем в ситуации длительных культурно-исторических контактов их носителей, проживающих на территории страны.

Результаты исследования особенностей формирования учебного билингвизма при базовом мультиязычии, а также построенные модели и механизмы развития речевой и коммуникативной компетенций в условиях национально-русского билингвизма могут быть основанием для разработки методического обеспечения учебной работы в рамках триязычия в Приднестровской Молдавской Республике.

УДК 81.23: 37.02

ББК 81.2

ISBN 978-9975-925-37-2

Рекомендовано Научно-координационным советом ПГУ им. Т.Г. Шевченко

© Щукина О.В., Кривошапова Н.В., Луговская Е.Г., 2018

Научное издание

Ольга Викторовна Щукина, Наталья Викторовна Кривошапова, Елена Григорьевна Луговская

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ
РУССКОМУ И ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКАМ БИЛИНГВОВ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ
Монография

Редактор М.В. Коломейчук

Компьютерная верстка: О.А. Штырова, А.А. Михайленко

ИЛ № 06150. Сер. АЮ от 21.02.02.

Подписано в печать 09.01.18.

Формат 60х84/16. Уч.-изд. л. 7,25. Усл. печ. л. 6,7. Тираж 50 экз. Заказ № 428.

Отпечатано в Изд-ве Приднестр. ун-та. 3300, г. Тирасполь, ул. Мира, 18.

Монография посвящена исследованию вопросов, так или иначе связанных с изучением естественного билингвизма в его наиболее распространенной для социокультурной ситуации постсоветского пространства разновидности – национально-русского билингвизма и тех интерференционных процессов, которые неизбежны при длительном взаимодействии разных языковых систем в ситуации длительных культурно-исторических контактов их носителей.

Специальный интерес представляют интерференционные процессы, обусловленные не столько взаимодействием Я1 и Я2¹ естественного национально-русского билингва при координативном типе такого билингвизма, сколько языковое отражение происходящих в билингвальном сознании процессов взаимодействия родного языка (двух языков) с иностранным языком при искусственном (учебном) билингвизме. Ситуация учебного билингвизма в этих условиях тем более интересна, что постигаемая иностранная языковая культура резко противопоставлена привычной мультиязычной культуре билингва. Как правило, в ситуации естественного билингвизма индивид не вполне осознает себя бикультурной личностью, легко переключаясь между культурами и языками в зависимости от ситуации и сферы общения и оперируя концептами обеих картин мира так же легко, как если бы речь шла о монокультурной и монолингвальной ситуации.

Тем не менее соответствующие интерференемы, ошибки, возникающие при взаимодействии Я1 (в некоторых случаях Я2) как родного языка естественного национально-русского билингва с иностранным языком (Яи), могут как затруднять изучение иностранного языка, так и способствовать более глубокому проникновению в его лингвокультурную специфику. В таком аспекте фонетическая и грамматическая интерференция при-

¹ Традиционно базовый (родной, язык предпочтительного использования) язык билингва маркируется как Я1, а второй – как Я2.

обретает регионально-специфические черты, которые могут быть описаны только с учетом понимания сущностных особенностей естественного молдавско-русского, украинско-русского или другого национально-русского билингвизма.

Выводы и предложения по вопросам понимания интерференционных процессов при билингвизме, представленные в данном труде, являются результатом регулярных наблюдений за речевой практикой студентов-билингвов, для которых в качестве языков Я1 и Я2 выступают молдавский, украинский, русский, гагаузский, болгарский, а в качестве иностранного языка изучения – преимущественно английский, реже немецкий или французский.

Осмысление поставленных при подготовке монографии вопросов опирается на широко известные в научной сфере точки зрения таких исследователей глобальных и индивидуальных процессов в сфере языковых контактов, как А.А. Реформатский, Л.В. Щерба, В.Д. Бондалетов, У. Вайнрайх, Э. Хауген, Л.П. Крысин, В.И. Карасик, В.А. Виноградов, А.В. Климов, Н.Б. Мечковская, Е.Н. Кремер, У.М. Бахтикиреева, С.Г. Тер-Минасова, Т.М. Дридзе, Л.И. Баранникова, Н.Б. Бахтин, Д.Г. Матвеева, О.В. Миловидова и многих других, а также коллег авторов книги – Е.А. Погорелой, В.А. Романенко, О.В. Литвин, Т.А. Лозан, А.И. Ватаманюк, исследования которых помогли осветить некоторые аспекты проблемы билингвизма и вопросы интерференции.

Изучение билингвизма немыслимо без обращения к достижениям смежных наук. Не только психология, социология, этнография могут помочь в осмыслении всего спектра проблем, поднимаемых лингвистами в связи с изучением природы языковых контактов, неизбежно также обращение к политике, культурологии и философии. Отдельные вопросы в рамках данной тематики требуют сугубо педагогического подхода, выработки методологии и методики педагогического исследования как всего образовательно-воспитательного процесса обучения иностранному языку, так и отдельных его элементов.

Выбор представления результатов педагогического исследования достижений (затруднений) национально-русских билингвов при освоении ими фонетики и грамматики иностранного языка обусловлен, в первую очередь, важностью формирования слухо-произносительных навыков в их неразрывной связи с грамматическими умениями. Слуховые и произносительные

навыки, формируемые при обучении произношению, активизируют речедвигательный (исполнительная функция), слуховой (сопоставительная функция) и зрительный (контролирующая функция) анализаторы, что в условиях полисенсорной среды обеспечивает успешное формирование грамматических умений. Работа с интерферами должна быть основана не только на понимании причин их появления, обусловленных структурными различиями в языковых системах, но и включать в себя анализ условий появления лингвистических единиц отклонения от норм изучаемого иностранного языка в письменной и устной речи билингов.

Исследование особенностей формирования учебного билингвизма при базовом мультиязычии, построение моделей и механизмов развития речевой и коммуникативной компетенции в условиях национально-русского билингвизма представляет собой актуальное направление научного и педагогического поиска, который должен быть положен в основание разработки методического обеспечения учебной работы в рамках триязычия.

Языковые контакты и билингвизм

Современная наука в попытках обозначить понятие *билингвизм* предлагает разные подходы к его определению. Билингвизм рассматривается с позиции социального взаимодействия языковых общностей (социолингвистический подход), а также с точки зрения владения языками и через призму их функционирования (лингвистический подход). Особый интерес представляют исследования этого явления в рамках изучения особенностей протекания психических процессов – регулирующей функции речи и языка как важнейшего средства формирования познавательных процессов и сознания.

Широкое понимание билингвизма как мультилингвизма, т. е. эффективного использования двух и более языков, в научной литературе связано с социолингвистическими аспектами рассмотрения общественных функций, выполняемых каждым из языков, и места каждого из них в деятельностной сфере двуязычного населения.

Такие термины, как амбилингвизм (*Ambilingualism*), бипарт-лингвизм (двусторонний билингвизм) (*Bipart-lingualism*) и их «мульти-» соответствия (омнилингвизм) (*Omnilingualism*), например мультипарт-лингвизм (многосторонний) (*Multipart-lingualism*), характеризуют социолингвистические особенности сосуществования и взаимодействия языков в том или ином обществе или на той или иной территории и рекомендуются к использованию в зависимости от реального количества функционирующих в социуме языков.

Социолингвистический аспект исследования подобных явлений преобладает над собственно лингвистическим описанием

процессов кодирования и декодирования языковой информации носителями двух и более языков.

При этом терминологическая традиция в подходах к обозначению типов индивидуального билингвизма с точки зрения количества эффективно используемых языков проявляется в четком соответствии указанного в термине количества языков реальному положению вещей: *Monolingual (monoglot)*, *Bilingual (diglot, dyoglot)*, *Trilingual (triglot, triaglot)*, *Quadri-lingual*, *Tetralingual (tetraglot, tesseraglot)*, *Pentalingual (quintilingual or pentaglot)*, *Hexalingual*, *Septalingual (heptalingual)*, *Octalingual*, *Nonalingual*, *Decalingual*, *Undecalingual*, *Dodecalingual*.

§ 1. Языковая личность в условиях глобального билингвизма

Билингвизм (*Bilingualism*) как явление, характеризующее способность индивида к эффективному использованию двух (и более) языков, является следствием языковых контактов (языкового смешения) и таким образом оказывается противопоставленным монолингвизму (*Monolingualism*, *Unilingualism*).

И то и другое явление в современном мире можно считать достаточно условным, так как билингвизм, если понимать его достаточно широко, предполагающий не только знание одного или нескольких языков как таковых, но и умение использовать их с учетом связей между этими языками и особенностей их взаимодействия в зависимости от ситуации общения и поставленной коммуникативной цели, всегда будет обусловлен социальными условиями языковых контактов, определяемых необходимостью общения между представителями разных этнических и языковых групп. Необходимость коммуникации между ними, в свою очередь, также обусловлена степенью интенсивности хозяйственно-бытовых, социально-политических и культурных связей.

В мире, где глобальное информационное поле, причудливо сочетая этнокультурную специфичность разных народов, способствует трансформации не только индивидуального, но и национального мировоззрения, монолингвизм не может счи-

таться чистым явлением (кроме языков изолированных этнических групп).

Монолингв, даже эффективно используя только один национальный язык, в той или иной степени вынужден включать в свою языковую картину мира элементы, которые изначально не предполагались этим способом концептуализации действительности. Изменения языковой (наивной) картины мира, которая является лишь фиксацией реальности, запаздывают по сравнению с изменениями, которые характеризуют актуальное состояние глобальной картины мира.

Языковая картина мира как вторичная по отношению к концептуальной не может считаться определяющей при попытке отнесения индивида к монолингвам в условиях интуитивного использования ими (в зависимости от ситуации общения и поставленной коммуникативной цели) концептуальных элементов, не характерных для концептосферы их национального языка.

Монолингв в таких условиях оказывается в ситуации пресквею, когда все возможные обозначения какого-то, как правило, привычного фрагмента окружающего мира больше не устраивают его и не рассматриваются как адекватные фиксации этого фрагмента.

Билингв (полилингв) в подобной ситуации волен использовать элементы обоих языков или их сочетания, причем сочетаемость элементов (как языковых, так и концептуальных) может быть весьма свободной, потому что внутрисистемная обусловленность языковых или концептных элементов одной языковой системы не соответствует тому же в другой, а соотнесенность связей может парадоксальным образом реверсировать.

Мир глобализуется, и в этих условиях билингв оказывается в выгодном положении: его языковая картина мира более приспособлена к изменениям глобальной картины мира, поскольку является результатом фиксации взаимодействия разных языков и культур.

Кроме того, в случае постоянного использования индивидом нескольких языков, предполагается формирование у него единой коммуникативной компетенции, не являющейся простой суммой набора знаний и умений соответствующих коммуникативных компетенций, условно связываемых с тем или иным языком, и это позволяет рассматривать его как глобализованную языковую личность – своеобразного гражданина мира.

До сих пор, рассуждая о моно- и би- (поли) лингвизме, мы в большей степени имели в виду такой тип билингвизма, который в научной литературе обозначается как естественный. Подобный билингвизм предполагает достаточно равнозначное владение двумя и более языками и, как правило, характеризует такие группы, в которых в силу исторических, политических или культурных условий сложилась традиция использования двух (или более) языков в большинстве сфер человеческой деятельности.

Данная традиция не оставляет индивиду, родившемуся в такой социальной группе (сообществе), выбора и предопределяет появление достаточно гармоничной билингвальной языковой личности, которая не только эффективно использует средства разных языковых систем и оперирует базовыми лингвокультурными единицами обоих языков, но и умело сочетает их, создавая оригинальные образы привычных фрагментов действительности (подобные явления рассматриваются в рамках транслингвизма (*Translingualism*)).

Однако при определении вида билингвизма нужно учитывать не только фактор потенциальной социальной предрасположенности к формированию индивидуального или группового билингвизма в силу принадлежности индивида к той или иной социальной общности или территориальной обусловленности формирования билингвальной личности. Важно также учитывать и осознанность выбора индивидом или группой (и тогда индивида как члена группы) би-, поли- или монолингвального способа общения. В этом случае речь может идти об учебном (искусственном) билингвизме.

Во многом выбор языка изучения также может быть обусловлен социальными установками, но осознанность как основная характеристика процесса освоения второго языка оказывается максимально значимой при определении искусственного билингвизма. Ее значимость заключается еще и в том, что сама по себе осознанность может выступать не только стимулирующим постижение второго языка фактором, но и тормозящим этот процесс условием.

Так, стимула изучения, например, английского языка для рабочего общения или для претворения в жизнь желания читать произведения Шекспира в оригинале будет достаточно для того, чтобы обеспечить закономерный прогресс в освоении языка (при условии гармоничного обучения с учетом психических особен-

ностей личности, языковой специфики родного языка обучающегося и культурологического сопровождения этого процесса).

При этом игровое обучение иностранному языку и иноязычному общению, когда осознанность не так очевидна (особенно в том, каким образом закладывается новая языковая и культурологическая система в сознании индивида), является также достаточно эффективным способом постижения чужого языка. В условиях игрового освоения другого языка и культуры осознанность, возникающая на этапе сознательного отслеживания появления в речи возможных трансферов, может не только выступать отражением конструктивного диалога культур, но и быть причиной появления социально-психологических трудностей овладения иностранным языком, что особенно актуально для взрослых индивидов.

Так, формирующаяся у таких языковых личностей способность объединять в сознании и корректно вербализовывать достижения нескольких национальных культур представляет собой феномен, требующий отдельного рассмотрения.

Особняком в традиции исследования явлений, связанных с функционированием и использованием нескольких языков, стоит термин *транслингвизм*. Взаимодействие национального (родного) языка Я1 со вторым (государственным или межнационального общения) языком Я2 характеризуется не только интерференционными явлениями, но и процессами окказионального заимствования и семантической неопределенности (амбигуации), что обуславливает специфику репертуара речевых средств полиязычной языковой личности на территории взаимодействия Я1 и Я2. Статус репертуара языковых средств билингва в этом случае может быть рассмотрен как транслингвальный.

В русскоязычной традиции термин *транслингвизм* возникает в связи с рассмотрением ситуации соположения нескольких языков и культур в их взаимодействии и определяется как литературно-художественный билингвизм, выражающийся в том, что транслингв, важной частью языка которого выступают элементы языкового субстрата, способен использовать весь свой речевой репертуар как носитель разных языков (Я1, Я2 и др.).

В англоязычной традиции с этой точки зрения широко применяется термин *Translanguaging* (трансъязычие)¹, обознача-

¹ Возникновение термина связывают с именем Sen Williams (в оригинальной транскрипции trawsieithu), опубликовавшим в 1994 году труд «An evaluation of teaching and learning methods in the context of bilingual secondary education».

ющий процесс, при котором би- и полилингвы используют все свои языки в качестве интегрированной системы коммуникации. *Translingualism*, восходящий в англоязычной традиции к определению *транслингвальный* (*Translingual*), т. е. *межъязыковой*, представлен межъязыковыми явлениями, под которыми понимаются слова и другие аспекты языка, имеющие отношение к нескольким языкам (в значении «существующий на нескольких языках» или «имеющий одинаковое значение в нескольких языках», а также «содержащий слова нескольких языков» или «работающий между разными языками»).

Этот феномен характеризуется непреднамеренной интеграцией нескольких языковых систем и этим принципиально отличается от процесса смешения кодов, так как не происходит естественно, но является осознанным действием. Транслингвизм рассматривается как процесс формирования в языковом сознании индивида своеобразной адаптивной языковой системы, существующей вне иерархического функционального разделения языковых единиц, отбор и организация которых не обусловлены сферой их использования, но подчинены задаче выражения основной коммуникативной интенции в тексте, репрезентированном на одном из языков билингвальной личности.

Помимо этого устойчивого понимания *Translingualism* используется для обозначения коммуникативной компетенции говорящих на одном и том же языке Я2 (как правило, речь идет об английском языке). Сторонники такого подхода обращают внимание не столько на транслингвистически значимые аспекты языка, сколько на результат их функционирования, целью которого является эффективное общение.

Посредством выделения и описания стратегий, выходящих за пределы коммуникативной компетенции носителей языка общения (Я2) и относящихся к коммуникативной компетенции адресата и адресанта как носителей разных родных языков (Я1), англоязычные исследователи осуществляют коммуникативный подход к изучению феномена транслингвизма.

Прагматическая направленность исследований в этой области отражена также и в понимании трансъязычности (*Translanguage*) как динамического процесса, при котором билингвы при изучении языков опосредуют сложные социальные и познавательные действия с помощью стратегического использования нескольких семиотических систем. Языковое взаимодействие в этом слу-

чае включает в себя вопросы речепорождения, проблемы успешности коммуникации, определение функции языка и особенностей протекания мыслительных процессов, связанных с использованием Я1 и Я2. И если трансязычие предстает как динамический процесс, при котором говорящий опосредует сложные социальные и познавательные действия путем направленного использования нескольких знаковых систем, то трансязычность призвана стимулировать передачу языковых навыков билингва в языковую систему каждого изучаемого языка и облегчать процесс изучения нового иностранного языка.

Такой подход в обучении иностранному языку позволяет преодолеть последствия взаимодействий между языковыми и концептуальными системами первого, второго и последующих языков моно- би- или полилингва и использовать неизбежные результаты таких взаимодействий в рамках осознанного выбора приоритетной языковой системы в речевой практике.

Однако не только и не столько языковой выбор определяет индивида как моно- или би- (поли-) лингва. Культурная специфика картины мира индивида, степень его лингвокультурной компетентности, отраженной в особенностях интерпретации отдельных фрагментов и элементов концептуальной картины мира того или иного национального языка и глубина осмысления их структурных взаимосвязей, некоторое внутреннее согласие индивида с этими элементами, их встроенность в его картину мира – все эти аспекты необходимо учитывать при определении типов и видов билингвизма.

Непросто представить себе такую языковую ситуацию, при которой два или более языка могут быть настолько равнозначными с точки зрения эффективности их использования, что невозможно вычленить сферы их предпочтительного использования.

В любом случае реальные ситуации социальных взаимодействий диктуют необходимость формирования у билингва умения совершать операции по переходу с одного языка на другой и навыка вероятностного прогнозирования коммуникативной ситуации.

Так, например, в ситуации обсуждения учебного материала между студентами-билингвами переключение кодов обусловлено степенью усвоения ими учебного материала – чем выше степень понимания темы, тем вероятнее смешение кодов.

Немотивированный переход с языка на язык иногда даже внутри тесно связанного словосочетания маркирует точки совпадения или несовпадения понятийных структур Я1 и Я2, когда вербализация осмысленного материала представлена на родном языке Я1, а заученная информация, еще не встроенная в общую систему знаний, но уже соотносимая с той или иной ее частью, представлена кодом Я2.

Частота случаев смешения кодов в учебно-разговорной коммуникации, как правило, уменьшается по мере возрастания учебной и познавательной компетентности студентов.

Однако успешность коммуникации зависит не только от принципа отбора и организации языковых средств в соответствии с характеристиками сферы, ситуации общения, особенностями адресата и тематики общения, но и от того культурологического подтекста, который может быть привнесен в сообщение посредством переключения кодов.

Социолингвистическая обусловленность приоритета кода Я2 подкреплена и психолингвистическим фактором актуализации письменной речи как предпочтительного способа восприятия информации.

Навык переключения (в широком смысле) характеризует уровень коммуникативной компетентности индивида, т. е. способность переходить с определенного языка или формы его существования на другой код обеспечивается способностью личности к языковому выражению картины мира, которое навязано ей более чем одним национальным мировоззрением.

Такой синтез картин мира может быть реализован не только в условиях естественного билингвизма. Искусственный билингвизм, формируемый при помощи специальных методов и приемов с обязательным погружением обучающегося в культуру стран изучаемого языка, также должен характеризоваться соответствующей языковой способностью.

В современной психолингвистике принято выделять координативный тип билингвизма (равнозначное двуязычие без доминирующего языка), субординативный (двуязычие, при котором один язык доминирует) и смешанный тип билингвизма, при котором у билингва создается единая понятийная система для двух разных языков.

Естественный билингвизм с этой точки зрения, как правило, представлен координативным типом (при условии, что вто-

рой язык, являясь доминантным в данном языковом окружении, не вытеснит первый), а искусственный, или учебный, формируется как субординативный.

Субординативный билингвизм характеризуется несвободным владением вторым языком. Таким образом, словарный состав Я2 связывается в сознании индивида не с системой понятий, а с соответствующими единицами лексикона Я1.

И субординативный и координативный типы билингвизма не исключают возможности взаимодействия между обособленными понятийными системами двух языков, при этом они не объединяются в единую систему, как при смешанном билингвизме, и индивид вполне способен соотнести те или иные языковые единицы, понятия, стереотипы и концепты с определенной лингвокультурной традицией.

Так, говоря об индивидуальном билингвизме, невозможно обойти вниманием вопрос о соотносительности национально-специфических картин мира, точнее о взаимодействии механизмов их языковой фиксации в языковом сознании билингва.

§ 2. Взаимодействие языковых систем в ситуации билингвизма

Билингвизм как результат языковых контактов, неизбежных в глобализирующемся мире, представляет безусловный интерес наряду с другими лингвистическими результатами, такими как языковые заимствования, смена языка, смешение языков и закономерные вытекающие из него явления интерференции. Естественный и ненасильственный характер взаимодействия контактирующих языков предполагает, что конвергентная перестройка разных уровней структур одного или одновременно нескольких языков в ходе языковых контактов протекает неравномерно, так как она обусловлена характером зоны контактирования, языковой ситуацией, интенсивностью и регулярностью языковых контактов.

Характеристика коммуникативных сфер и форм существования языка, в рамках которых происходят языковые контакты, их интенсивность и регулярность, а также определение языковой ситуации, т. е. наличия или отсутствия билингвизма в зоне

контактирования языков, оказываются максимально важными аспектами при анализе случаев отклонения от норм каждого из языков, участвующих в ситуации контактирования, и проявляются в речи билингвов как результат их знакомства с более чем одним языком.

Среди наиболее распространенных результатов языковых контактов можно выделить изменения системы фонем Я1, Я2 или Я1, Я2, Я3, проявляющиеся в виде изменений реализации некоторых фонем или фонологической системы в целом, а также нарушений дифференциации значимых признаков в контактирующих языках, приводящие к смешению, неразличению или переосмыслению языковых фактов.

Лингвокультурная ситуация постсоветского пространства часто характеризуется активным неравновесным национально-русским билингвизмом, основной особенностью которого выступает его диглоссно-билингвальная сущность. Сочетание автохтонного разговорного языка (а то и вовсе языковой подсистемы просторечия) с русским литературным языком обуславливает диффузный характер языковых процессов в полиязычных регионах, в результате чего билингвальный индивид все чаще предстает как языковая личность с проблемной лингвокультурной идентификацией.

В этих условиях билингвизм и регулярный языковой контакт выступают как неизбежные и необходимые условия интерференции. Структурные расхождения языковых систем контактирующих языков провоцируют нарушения речевых норм Я2 под влиянием Я1 практически на всех уровнях языковой системы – фонемном, морфемном, лексическом и синтаксическом, что может проявляться как в устной, так и в письменной речи. Таким образом, местом осуществления языкового контакта выступают индивиды, попеременно пользующиеся Я1 и Я2 (Я3...). Это и позволяет говорить о наличии таких контактов, под которыми можно понимать либо речевое общение между двумя языковыми коллективами, либо учебную ситуацию.

Проявления звуковой (фонетической и фонологической), орфографической, грамматической (морфологической, синтаксической и пунктуационной), лексико-семантической, стилистической и, наконец, внутриязыковой интерференции необходимо отличать от явлений языкового переключения, при котором происходит смена языка.

В этом случае выбор Я1 или Я2 в большей степени обусловлен экстралингвистическими факторами, в то время как проявления языковой интерференции обусловлены структурным вмешательством одной языковой системы в другую в языковом сознании билингва. Нарушая нормы и правила соотношения двух контактирующих языков, билингв таким образом компенсирует элементы или функции одной языковой системы соответствующими явлениями другой. При этом, как и в физике, из которой пришел термин интерференция, такое явление, наблюдаемое при наложении нескольких когерентных процессов, может привести как к усилению, так и к ослаблению взаимодействующих возмущений среды. В психолингвистике в настоящее время интерференцию рассматривают подобным образом, т. е. не только как отрицательное явление, затрудняющее изучение второго языка и формирование его лингвосомиотической системы как первичного способа закрепления отображаемого мира. Именно под влиянием языковой интерференции может возникать эффект усиления вновь приобретаемых речевых и коммуникативных навыков под влиянием имеющихся, что с точки зрения наработки умений, накопления знаний при изучении второго языка и даже развития памяти индивида выступает как положительное явление.

Акцент, буквализм или искажение смысла, неверное формирование словообразования, обусловленное неправомерным проецированием правил родного языка на грамматическую систему второго языка, искажение общего смысла из-за деформации синтаксических конструкций и другое – все это формальные показатели отрицательного воздействия лингвистической интерференции. Позитивное же воздействие (транспозиция) проявляется в обогащающем речевую и коммуникативную компетентность билингва как языковой личности Я2 переносе существующих навыков на систему изучаемого языка. Такой перенос обусловлен совпадением фонетико-фонологических, лексических, грамматических явлений родного и изучаемого языков.

Благодаря особенностям этого переноса при изучении второго и последующих языков процесс становления билингвальной личности может быть ускорен. Основной причиной транспозиции является возможность реализации общетипологических свойств языков в процессе продуцирования и восприятия речи на Я2 при условии, что эти свойства не оказывают отрицатель-

ного влияния на текст как результат речи и его понимание коммуникантами.

Положительный перенос характеризуется, как правило, высокой степенью развитости речемыслительных механизмов билингвальной личности и проявляется как на уровне системных знаний о языках, так и на уровне социокультурных знаний. Проецируя лингвистические явления родного языка на схожие с ними явления иностранного языка, используя сформированные при изучении родного или иностранного языка учебные умения, знакомясь с культурой стран изучаемого языка, формирующийся билингв обеспечивает себе более быстрое и легкое усвоение изучаемого языка.

Нельзя обойти вниманием и явление трансференции как нерегулярной интерференции минимального типа (явления такого рода достаточно часты в речи естественных и искусственных билингвов). Трансференция как контактное явление проявляется на лексико-семантическом уровне и несет на себе отпечаток результата социокультурной или культурной интерференции, которая в этом случае вызвана не самой языковой системой, а той культурой, которая отражена в этом языке. Если интерференция репрезентируется в речи билингвов в виде речевых коммуникативно значимых и коммуникативно незначимых ошибок, то трансференция может указывать на дефектность или несформированность у билингва единой коммуникативной компетенции. Трансференция может быть показателем смешанного типа билингвизма, а может представлять собой особенность национально-инофонного двуязычия, локализованного на той или иной территории, обусловленную спецификой языковой ситуации и языковых контактов на ней.

Так, например, в Приднестровском регионе высока частотность неверного употребления глагола «ставить» в значении «локализовать один предмет в (на) другом предмете». Несмотря на то, что в русском языке в этом значении могут быть использованы такие глаголы, как «положить», «оставить», «кинуть», «(за)бросить», «поставить», и их выбор обуславливается как стилистическими факторами, так и лексической сочетаемостью слов, называющих локализуемые предметы, полиязычная ситуация в регионе способствует тому, что даже русскоязычные монолингвы допускают трансференцию на этом участке. Уни-

фицируя способ языкового представления при назывании действия по локализации предмета, естественные и искусственные билингвы, а также монолингвы часто используют форму «ставить» в ситуации бытового общения, даже осознавая ненормативность такого использования данного глагола.

Например:

Поставь тетрадь на стол!

Я тебе на холодильнике деньги поставлю!?

Ставь зонтик в сумку!

Не ставь руки в карманы!

И даже шире, в переносном значении:

Поставь деньги на телефон (в значении «положи на счет»)!?

Ты поставила деньги на карточку (в значении «перевела»)?

Трансференция в данном случае обусловлена дефектностью того фрагмента языковой компетентности, который содержит в себе понимание специфики обозначения локализации предмета в русском языке. Для русскоязычной картины мира обязательно не только указание на существование (локализацию) объекта в пространстве, но и детализация его положения в пространстве. Неестественность расположения в пространстве указывает на необходимость дополнительной информации о его местоположении.

Так, сапоги, которые я только что снял и оставил в коридоре, естественно расположены стоя, неестественность их локализации для описываемой ситуации (*сапоги лежат, валяются*) может указывать на то, что они упали и теперь небрежно разбросаны по коридору. В рамках более широкого контекста сапоги могут *лежать в магазине* (залежалый товар, который никто не берет), либо *храниться*, например, *в шкафу* до следующего холодного сезона.

В ситуации языкового контакта русского, украинского и молдавского языков¹, для последних из которых локализация объекта в пространстве значима сама по себе и обозначена глаголом *ставити* (укр. – *ставити*, молд. – *пуне*) в значении «установить, локализовать», нюансировка дополнительной информации, которую несет русский глагол *стоять*, *ставить* не актуализована как значимая, что и приводит к трансференции.

Однако в ситуации формирования искусственного билингвизма (при изучении иностранного, в частности, английского

¹ Об особенностях языковой ситуации в Приднестровье смотри далее

языка) такая трансференция оказывается полезной при освоении глаголов широкой семантики (*to put, to get, to go...*).

Направленность интерференции как процесса зависит от ее источника. Так, несомненно, большой объем интерферентов, т. е. любых внеязыковых и собственно языковых элементов одной лингвокультуры, по звучанию, значению и функциям напоминающих соответствующие элементы других лингвокультур, будет отмечен при использовании естественными билингвами Я2. Однако не менее интересным явлением для исследования является так называемая вторичная интерференция, когда при последовательном изучении иностранных языков (при мультилингвизме) возникают проявления взаимодействия речевых и коммуникативных навыков со стороны уже изученного иностранного языка.

Возможен и процесс обратной интерференции, когда на речевую и коммуникативную компетенцию языковой личности (в ситуации изучения иностранного языка) начинают влиять вновь обретенные навыки (интеркаляция). Как правило, явления интеркаляции обусловлены психологическими причинами отождествленности билингвальной личности с формируемой иноязычной личностью, специфика которой должна, по мнению индивида, предполагать определенный набор интерферентов.

И, наконец, нельзя обойти вниманием процессы, происходящие внутри самого изучаемого языка. Впервые формирующиеся навыки использования механизмов иностранного языка в силу их сопоставимости между собой и возможности отнесения к одному универсальному языковому, речевому или коммуникативному феномену не без воздействия уже сформированных для других языков навыков провоцируют внутриязыковые деформации. В этом случае речь идет о внутриязыковой или смешанной интерференции, которая чаще всего проявляется в генерализации правил или гиперкорректности как следствии языковой неуверенности.

Кроме межъязыковой и внутриязыковой интерференции можно говорить о таких проявлениях взаимодействия языков, которые характеризуются намеренным или неосознаваемым избеганием употребления определенных форм или конструкций изучаемого языка, не имеющих прямого соответствия в родном языке индивида. Такая интерференция называется скрытой (косвенной) и приводит к обеднению речи. В противоположность

такому воздействию Я2 на Я1 выделяют также явную (прямую) интерференцию, проявляющуюся в нарушении системы и норм изучаемого языка, что, в свою очередь, также не способствует взаимопониманию между участниками коммуникации.

Таким образом, при рассмотрении интерференции как результата языковых контактов необходимо учитывать взаимодействие типов билингвизма в рамках языкового сознания билингвальной личности. Лингвистические явления, возникающие на стыке Я1 и Я2 при естественном билингвизме, обусловлены лингвокультурным характером взаимопроникновения языков, психолингвистической мотивированностью и социолингвистическими особенностями их проявления. Интерференция при изучении национально-инофонными билингвами иностранного языка в условиях складывания искусственного (учебного) билингвизма чаще будет результатом несформированности языковой картины мира для Я2 в силу предпочтительного формирования определенного речевого портрета иноязычной личности и может либо усиливаться, либо нивелироваться уже существующими речевыми или коммуникативными навыками этого билингва.

Понятие интерференции объединяет в себе множество дефиниенсов, а многообразие типологических классификаций свидетельствует о том, что для полноты определения и описания этого явления всегда важно учитывать и собственно лингвистические, и экстралингвистические факторы. При этом нельзя смешивать взаимодействие языковых систем в условиях билингвизма со смежными явлениями (смешанный язык, конвергенция, переключение кодов), также имеющими место при языковых контактах.

Смешанный язык и конвергенция как явления возникают в условиях глобального билингвизма и характеризуют язык, возникающий в результате длительного языкового контакта, как результат сближения языков. При этом появление смешанного языка, как правило, обусловлено этносоциальными причинами, когда определенная национальная группа таким образом самоидентифицируется, а при конвергенции (как самостоятельном процессе) происходит сближение нескольких языков, проявляющееся в возникновении и закреплении у них некоторых общих свойств.

Переключение кодов, в свою очередь, характеризует индивидуальный билингвизм и означает переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой, вызванный измене-

нием экстралингвистических факторов общения (смена адресата, темы общения, роли говорящего). И если интерференцией называют такое лингвистическое взаимодействие, при котором один язык меняется под воздействием другого, то при переключении кодов происходит полная смена языка.

Феномен переключения кодов традиционно рассматривается в трех основных направлениях: описываются либо внешние, или социолингвистические факторы, обуславливающие переключение кодов, либо внутренние, или психолингвистические, либо собственно лингвистические.

Кодовое переключение, или переход говорящего в процессе коммуникативного взаимодействия с одного кода (языка или стиля) на другой, происходит вследствие изменения условий коммуникации. Билингвы чаще всего распределяют коды (Я1 и Я2) в соответствии со сферой общения. Например, национально-русские билингвы легко меняют язык общения в ситуации фактического общения (переключение кодов в этом случае происходит почти неосознанно, естественно) по принципу «человек – язык». Однако способность кодового переключения зачастую мешает билингвам в ситуации, когда попытка вербализовать мысль неизбежно запускает код Я1.

Мотивированность переключения кодов языком адресата характеризует билингва как речевую личность с достаточно высокой степенью владения обоими языками в ситуации, когда общение происходит со смешанной группой и кодовое переключение работает по принципу «человек – язык»; билингв не только легко меняет язык общения при обращении к русскоговорящему и национально-говорящему собеседнику, но и при необходимости повторяет уже сказанное, меняя способ речевого представления путем переключения кода для объяснения сути происходящего разноязычным коммуникантам. В этом случае фактор социолингвистической обусловленности выбора языка общения требует от билингва полного перехода на понятный всем участникам коммуникации язык. Но в ситуации фактического общения, в непринужденной, благожелательной атмосфере межличностного взаимодействия актуализируется не социолингвистический аспект переключения кодов, а психолингвистический, проявляющийся в инерции коммуникативного поведения (привычка говорить на национальном языке с такими же билингвами срабатывает практически неосознанно).

Переключая коды, билингвы используют элементы русского и национального языков исходя из соответствующих языковых норм; то же происходит и при вкраплении иноязычных элементов в национальную или русскую речь – единица другого языка используется в неизменяемом виде, она функционирует в речевой цепи, не подчиняясь словоизменительным или синтаксическим моделям другого кода. При этом билингвы активно экспериментируют внутри кода Я2, что обусловлено высокой активностью процессов осмысления понятий и сопровождается встраиванием новых слов в структуру вербально-семантического уровня билингвальных языковых личностей.

Социолингвистические факторы переключения кодов определяют выбор языка общения в соответствии с мотивационно-потребностными установками личности, которые, в свою очередь, не будучи подкрепленными соответствующими лингвокультурными тезаурусными элементами и не выраженные вербально, могут препятствовать гармоничному развитию вторичной языковой личности.

Термины *переключение (смещение) кодов* и *интерференция* как обозначающие процессы, обусловленные билингвизмом (в широком его понимании), связаны с понятием языкового репертуара. Представляя собой набор фонематических, грамматических и лексических вариантов, из которых говорящий отбирает некоторую совокупность форм речевого представления в соответствии с установками речевого этикета для обеспечения социально значимого взаимодействия, языковой репертуар дает возможность отразить реальную речевую деятельность членов речевых и языковых коллективов.

Речевой репертуар как лингвистический фрагмент социального соглашения об использовании своеобразного «языка», позволяющего участникам этого соглашения, или владельцам такого речевого репертуара, проводить идентификацию по признаку «свой-чужой», является одной из характеристик локальной (региональной) идентичности.

Феномен идентичности по своей природе социокультурен, он может быть представлен как актуальный результат некоторых уже произошедших социокультурных и социоментальных трансформационных процессов, локализованных на определенной территории. Хронотопически ограниченная среда, в рамках которой возникает этот феномен, как правило, представляет собой

более или менее однородное образование, сформированное вокруг первичного источника идентичности. Таким источником может служить религиозный, этнический, национальный, территориальный социоэмерджент. При рассмотрении речевого репертуара как лингвистического маркера локальной идентичности можно говорить о возникновении особого «языка», также выступающего источником идентичности.

Представляя собой набор самотождественностей, характеризующих национально-культурную идентичность (собственно культурную, религиозную, национальную, политическую, территориальную (региональную, локальную), гражданскую), проявленных в языке (речи), речевой репертуар приобретает особую важность в условиях задействования механизма кодовых переключений.

В основе любого социального взаимодействия лежит процесс идентификации как формальное и (или) содержательное слияние индивида с группой; в условиях коммуникации, речевого взаимодействия, значимым оказывается не столько процесс отождествления индивида с релевантным сообществом, сколько осознание им принадлежности этому сообществу. Билингв вынужден производить отбор языковых средств из того речевого репертуара, в рамках которого он будет опознан как «свой».

Однако локальная идентичность дискретна, неустойчива и открыта изменениям, ее проявления носят точечный характер, что как раз и нашло свое отражение в социолингвокультурном феномене речевого репертуара. Региональная идентичность как достаточно устойчивый непрерывный во времени и в определенном смысле герметичный феномен представляет собой некое объективное состояние, характеризующее самоотождественность носителя такой идентичности и имеет иерархическую структуру (например, страна, район, город; гуманитарий, филолог...).

В рамках такого понимания самоидентичности исследование речевого репертуара позволяет определить языковые признаки локальной идентичности, которая, в свою очередь, представляется результатом трансграничных изменений, возникающих на периферии региональной идентичности и вызванных воздействием на ее систему. Различение понятий локальной и региональной идентичности как социокультурных феноменов разной целостности базируется на дискретности единого ментального и социокультурного пространства.

При исследовании реальной речевой практики билингва необходимо понимать, осознаваема ли им национально-культурная специфика обеих сторон языковой личности в той мере, которая позволяет оперировать элементами двух разных языковых картин мира, не смешивая их. В этом случае инвариантная составляющая речевого репертуара таких билингвов будет представлена единицами той системы представления, предпочтительное использование которой продиктовано традицией, социальным договором и речевым этикетом, а вариантная составляющая будет включать всевозможное разнообразие средств обоих языков, включение которых в практику речевого использования предполагается конкретной ситуацией.

Билингвизм представляет собой такую сущность, которая может быть представлена и с точки зрения практики владения двумя языками, и с точки зрения умения оперировать единицами лингвокультурных систем двух языков, поэтому при рассмотрении глобального билингвизма репертуар языковых средств становится значимым аспектом исследования.

§ 3. Особенности билингвизма в Приднестровье

Приднестровье можно считать языковым сообществом, условно состоящим из билингвов, владеющих как минимум двумя разными языковыми системами в такой мере, чтобы национально-культурная специфика каждой из этих сторон была очевидна. Такое положение вещей возможно в силу длительного совместного проживания разных национально-культурных сообществ, представители которых, являясь носителями национальных языков и соответствующих национально-культурных особенностей, находятся в постоянном взаимодействии и часто образуют элементарные социальные группы (семьи).

Такие семьи, где один или оба из родителей достаточно хорошо знают еще один язык, кроме общего для них языка общения (это может быть и русский, и украинский, и молдавский, и болгарский, и гагаузский, и польский язык, и др.), становятся билингвальным микросообществом. Конечно, традиционно, как и на остальном постсоветском пространстве, наиболее

часто в роли общего языка межкультурного и межличностного общения выступает русский язык, который может служить для индивидов как Я1, так и Я2. Здесь речь идет о преобладающем на данной территории национально-русском или русско-национальном билингвизме.

Тесные культурные, экономические, политические связи, гармонизация законодательства Приднестровья и России, начатая еще в 2006 году¹, – все это отличительные признаки существования этнополитического феномена, характеризующегося отрывом части русскоязычной этнической общности (в которую входят русскоязычные представители разных этнических групп: молдаване, болгары, гагаузы, поляки др.) от национального сообщества исторической родины.

В Приднестровье формируется своеобразное этносообщество, основными признаками принадлежности к которому является русскость его членов, их самоидентификация с Россией, владение русским языком, осознание своей сопричастности русской культуре и принадлежности особому типу менталитета.

Возникнув на постсоветской территории в виде «анклава»², русскоязычное сообщество жителей Приднестровья вначале организовалось в виде протодиаспор³, объединивших их по формальной этнической принадлежности (в зависимости от полученной в наследство от Советского Союза национальности (своей или родителей) или в соответствии с местом рождения).

Однако в рамках проводимой государством политики интеграции с Россией работа институтов русской диаспоры в силу узкоэтнической направленности их деятельности переместилась из арьергарда отношений России и Приднестровья в сторону обслуживания интересов этнических русских, ведь отношения

¹ 10 августа 2006 года Президент ПМР подписал Указ «Об утверждении Положения о Межведомственной рабочей группе по вопросам гармонизации законодательства Приднестровской Молдавской Республики с законодательством Российской Федерации». 26 июля 2007 года Президент ПМР утвердил своим Распоряжением «Единый план по гармонизации законодательства Приднестровской Молдавской Республики с законодательством Российской Федерации».

² Градировский С. Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой // Диаспоры. – 1999. – № 2. – Доступ.: <http://world.lib.ru>

³ Там же.

России и Приднестровья структурируются по типу отношений с соотечественниками¹.

Сегодня этносообщество, структурировавшее себя в виде русской диаспоры в Приднестровье, переживает период трансформации, когда формальные границы диаспоры и ее институты продолжают свое функционирование по законам взаимодействия диаспоры и титульного этноса, а мультиязыковая и мультикультурная личность русскоязычного сообщества Приднестровья осознает себя частью трансгосударственного образования – Русского мира.

В Приднестровье в соответствии со сложившимися историко-культурными традициями равнозначными средствами межнационального общения признаются молдавский, русский и украинский языки. При всем языковом многообразии, обусловленном этническим колоритом народов на территории Приднестровья законодательно закреплён статус русского языка как языка межгосударственных отношений. Местные газеты и журналы в большинстве своем выходят на русском языке (наиболее значительные по тиражу: «Приднестровье» и «Днестровская правда»), хотя существуют и издания на украинском («Гомін») и молдавском («Адеверул Нистрян») языках, образование на украинском и молдавском языках также поддерживается.

¹ Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, религии, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии. Соотечественниками за рубежом (далее – соотечественники) являются граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами территории Российской Федерации. Соотечественниками также признаются лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации, в том числе: лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства (<http://www.fms-nso.ru/documents/compatriot/>).

Так как согласно Конституции Республики официальными языками и равноправными во всех сферах жизнедеятельности являются молдавский, русский и украинский, а языком делопроизводства и документации указан русский язык, то каждому гражданину Приднестровской Молдавской Республики необходимо владеть достаточно высоким уровнем русского языка. Так, русский язык не только оказывается языком бытового общения, но и требует достаточных для использования в сфере официально-деловой коммуникации навыков устного и письменного общения.

Кроме того, общая ориентированность граждан Приднестровской Молдавской Республики на Русский мир в самом широком понимании этого феномена способствует пониманию каждым членом общества, что качество владения русским языком это важный фактор успешной социализации. Вместе с тем знание второго официального языка тоже немаловажно для успешной социализации граждан. Так, знание украинского или молдавского языка обеспечивает русско-национальным билингам преимущество при необходимости социально-экономического и культурного взаимодействия с соседними государствами.

Тем не менее зачастую родители-билингвы не уделяют достаточного внимания развитию дополнительной языковой компетентности своих детей во втором официальном языке (при любом Я1). Причиной тому является непонимание преимуществ билингвизма в конкретной социально-политической ситуации, а также желание дать ребенку больше возможностей для изучения иностранного языка (языков) именно за счет исключения второго официального.

Качественное владение двумя и более языками может быть обеспечено только при наличии условий для речевой и коммуникативной практики, а постоянное обогащение второй языковой системы на всех ее уровнях приводит к тому, что система первого языка становится более самостоятельной, растет уровень культуры речи. Родители-билингвы считают вполне достаточным для общего представления о втором языке бытовое семейное общение и школьное изучение языка. В этой ситуации важна работа всех элементов системы образования по разъяснению преимуществ владения вторым официальным языком, ведь глубина его освоения качественно отличается от глубины освоения любого другого иностранного языка, изучение которого обес-

печивается только искусственной средой и зачастую ею и ограничивается.

К сожалению, такой общественный стереотип обуславливает устойчивость проблемы, связанной с более низким уровнем культуры русской речи таких детей и наличием определенных трудностей в их обучении русскому языку не только как языку межнационального и повседневного общения, но и как инструменту профессиональной деятельности.

Неиспользование или нерегулярное, спорадическое использование второго языка в семьях билингвов, использование «суржика» ведет к тому, что у ребенка еще на этапе закладывания основ языковой системы происходит искажение базисной части системы основного (в данном случае русского) языка. В дальнейшем это проявляется, прежде всего, в наличии системных ошибок в речи, с которыми очень сложно работать педагогу. Такие дети очень часто сталкиваются с трудностями, пытаясь выразить собственную мысль или изменить способ речевого представления при воспроизводстве заученной информации. А в ситуации, когда необходимо сформировать языковую личность искусственного билингва, при изучении одного из иностранных западноевропейских языков на этапе формирования речевых и коммуникативных навыков процессы вторичной интерференции актуализуют русский язык Я2 национально-русского билингва, как если бы это был ранее изученный иностранный язык.

Опирируя двумя (и более) лингвокультурными (и лингвосемiotическими) системами, родители национально-русских билингвов создают предпосылки формирования обеих языковых систем, но несформированность или недосформированность одной из них приводит к тому, что некоторый набор языковых единиц, смыслов и несистемные связи между элементами второго языка, не встраиваемыми в формирующуюся систему первого языка, распределяется по существующим уровням и узлам изменения и перемещения единиц языка. В результате возникают варианты, или синонимы фонем, аффиксов, слов, синтаксических конструкций, применимые в рамках данной системы, но не являющиеся нормативными для конкретного исторического момента.

Указанные проблемы условно можно отнести к явлению семилингвизма, который определяется как особый вид билингвизма, при котором имеет место частичная утрата родного языка

либо неполное владение или одновременно неполное усвоение другого языка. Однако традиционно полуязычие характеризует сообщества и людей с очень низким культурным уровнем, ограниченных в социальных связях, что не применимо к анализируемой нами группе (студенты, профессионально изучающие русский язык и литературу), что требует переосмысления данного термина с учетом новых условий существования этого явления.

Недосформированность языковой системы, с опорой на которую осуществляется обучение иностранному языку, при национально-русском билингвизме, как и недосформированность системы Я2 при русско-национальном билингвизме, обуславливающим специфику речевого репертуара и обучаемых и обучающихся, ставит под сомнение возможность формирования полноценных систем языковой и концептуальной репрезентации всех трех языков (Я1, Я2 и изучаемого иностранного языка).

В такой ситуации возникает проблема представленности этих трех языков в сознании индивида, сущность которой сводится к вопросу о том, каким образом будет формироваться концептуальная система трилингва.

Согласно модели У. Вайнраха смешанный и субординативный тип билингвизма предполагает наличие в картине мира билингва общей для всех его языков системы концептов, а координативный тип билингвизма – автономные системы концептов.

Однако как гипотеза о существовании автономных концептуальных систем известных индивиду языков не объясняет, в частности, механизма перевода с одного языка на другой, в связи с тем что возведение автономной концептуальной системы вновь изучаемого языка при полном отсутствии связей между элементами языковых систем и соответствующих им концептов должно дублировать соответствующий путь при усвоении первого языка, так и гипотеза хранения концептов в виде единой системы также не в состоянии объяснить феномен, связанный с крайне редкими случаями совпадения лексических единиц разных языковых систем в полном объеме референциальных значений, в связи с тем что реальная эквивалентность, включающая семантический, прагматический, функциональный аспекты, никогда не бывает полной.

Компромиссной точкой зрения по этому вопросу является дистрибутивная гипотеза организации концептуальной системы в сознании билингва, которая вполне объясняет те моменты,

которые оказались непреодолимыми для вышеуказанных гипотез. Формируя в процессе изучения иностранного языка единую концептуальную систему, билингвальное сознание распределяет концепты таким образом, что раздельной репрезентации подлежат только специфичные для данного языка концепты, основная же часть концептов оказывается общей.

Такое понимание формирования концептуальной системы билингва отвечает и на вопрос о том, почему родное слово Я1 и соответствующая ему единица иностранного языка редко имеют полное соответствие, и на вопрос о том, каким образом обеспечивается возможность перевода слова с одного языка на другой. Некоторые лексические единицы не имеют однозначных соответствий единицам концептуальной системы, так как представлены дистрибутивно в нескольких узлах памяти, а возможность перевода слов обеспечивается только пересекающимися репрезентациями концептуальной системы. Та же часть значения слова, которая не представлена в семантике переводного эквивалента репрезентирована специфичным для данного языка концептом или его элементом. Таким образом, предполагается, что концептуальная система билингва представляет собой сложную структуру с потенцией раздельного и смешанного хранения концептов, репрезентируемых в речи такого индивида в виде более или менее эквивалентных единиц.

Организация концептуальной системы предполагает возможность относительно свободного соотнесения языковых единиц Я1 и Я2 в силу существования общих для этих языков концептуальных элементов, и одновременно выделения таких концептуальных элементов, которые будут составлять специфику каждого из известных индивиду языков. Русский язык для национально-русских билингвов Приднестровья представляется как язык, обеспечивающий межкультурную коммуникацию, тяготеющий к использованию в определенных сферах: официально-деловой (в связи с тем, что делопроизводство в республике ведется на русском языке) и частично досуговой (телевизионное вещание представлено русскоязычными каналами).

Уровень владения русским языком национально-русских билингвов Приднестровья достаточно высок: уровень владения грамматикой можно соотнести со средним уровнем владения грамматикой русского языка нативными носителями (в рамках курса средней школы), уровень способности понимать речь при чтении и на слух также соотносим с соответствующим

уровнем русскоязычных монолингвов в тех случаях, когда речь не идет о сложных научных и специальных текстах (в этом случае затруднения в понимании неизбежны, так как объем словарного запаса книжной лексики у билингвов меньше, что обусловлено природой самого феномена билингвизма). Сфера обучения как основная для школьников и сфера разговорно-бытового общения как определяющая языковую и культурную принадлежность индивида вообще есть преобладающие сферы коммуникации, которые обслуживаются для национально-русских билингвов национальным языком.

Однако при дальнейшем обучении в средних профессиональных и высших учебных заведениях национально-русским билингвам все реже удастся использовать свой национальный язык. Преобладающей сферой коммуникации остается учебно-научная сфера, но теперь она полностью представлена только русскоязычными текстами (письменными и устными); сфера разговорно-бытового общения обрывает вариантами: если раньше разговорно-бытовое общение обеспечивалось в основном использованием национального языка, то теперь та часть разговорно-бытового общения, элементы которого включены в учебный дискурс, которая определяет социализацию билингвов в одноязычном сообществе, обеспечивается посредством русского языка. Именно эта сфера – сфера разговорно-бытового общения – и становится ареной переключения кодов.

Структурирование системы профессиональной компетентности на основании осмысления информации, получаемой исключительно на коде Я2, влечет за собой снижение значимости Я1 и, соответственно, уменьшение его актуализованного объема не только на вербально-семантическом, но и на лингвокогнитивном и мотивационном уровнях языковой личности.

Система целей билингва, направленных на получение высшего образования, переосмысляемая в связи с этим система знаний о мире, представленная теперь через призму избранного направления обучения, целенаправленное обогащение лексикона – все это кодируется теперь Я2, и в результате структурируется вторичная языковая личность, обеспечивающая не столько адекватное взаимодействие с представителями другого кода Я2, сколько профессиональную коммуникацию в избранном направлении. В этом смысле особую значимость приобретает получение знаний по дисциплинам общенаучного, общевузовского цикла,

которые должны способствовать гармоничному развитию вторичной языковой личности. Это, в свою очередь, призвано обеспечивать сохранение сбалансированного билингвизма и практически исключает опасность немотивированного смешения или интерференции кодов.

Понимание билингвизма как способности человека объясняться на более чем одном языке, когда уровень владения одним языком ниже, чем уровень владения другим, неизбежно приводит к необходимости пристального изучения сопутствующего языковым контактам неизбежного при билингвизме явления лингвистической интерференции.

Проблема языковой интерференции не является сугубо лингвистической, при рассмотрении этого явления внимания заслуживают также и психологический, психолингвистический, социолингвистический и методический аспекты. Такой подход к исследованию этого феномена позволяет утверждать, что лингвистическая интерференция как процесс наложения языковых структур друг на друга и одновременно результат этого процесса реализуется и объективно существует в речи билингва независимо от его сознания.

Социально-исторический характер билингвизма и его обусловленность определенным культурно-историческим контекстом предопределяет его специфику как сущность, которая отличается тем, что процессы, происходящие в рамках билингвизма, с одной стороны, коррелируют процессам образования национальных языков, с другой стороны, одновременно противоречат им. В этом смысле билингвизм может быть рассмотрен как один из способов исторического формирования новых общностей людей, для которых этнический критерий не является определяющим и учитывается только в той мере, в какой это объясняет характер новообразуемых лингвокультурных социоэмерджентов.

Сложившаяся в Приднестровье лингвокультурная ситуация, одной из тенденций которой на настоящем этапе является формирование социоэмерджента, в основе которого находится специфическая (в силу определенной степени семилингвизма) языковая личность билингва, изучающего иностранные языки, требует поиска нетрадиционных подходов к преподаванию как родного и национальных языков, так и иностранных западноевропейских языков.

Особенности фонетической интерференции в речи национально-русских билингвов

Развитие любой языковой системы характеризуется различными, часто противоречивыми тенденциями. В качестве одной из них выступает унификация коммуникации на региональном и национальном уровнях.

Одновременно с этим существует обратная тенденция, которая характеризуется стремлением этнических групп, проживающих на одной территории, сохранить свой родной язык. В результате различного рода языковых контактов происходит неизбежное взаимовлияние и взаимодействие контактирующих языков. «На формирование и развитие языка, структурных элементов национального сознания определенное влияние оказывает единая территория этноса и совместное проживание на ней людей различных национальностей»¹. Этноязыковые процессы определяются, как правило, как «процессы функционального развития языков»².

Современные этноязыковые процессы в Приднестровье определяют особенности функционального развития русского, украинского и молдавского языков, ставят вопрос о реальных и потенциальных возможностях этих языков как официальных; актуализируют проблему поиска наиболее оптимальных методов

¹ Эфендиев Ф.С. Этнокультура и национальное самосознание. – Нальчик, 1999. – 304 с.

² Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. – М., 1984. – 288 с.

обучения на этих языках и этим языкам. Исторически на территории Приднестровья, развиваясь в тесной взаимосвязи, перечисленные языки оказываются в центре языковой ситуации, характеризующейся поликультурностью.

Применительно к территории Приднестровья можно говорить как минимум о четырех сложившихся видах двуязычия: молдавско-русском, украинско-русском, русско-молдавском, русско-украинском – в зависимости от того, какой язык считать родным.

В некоторой степени языковая ситуация в Приднестровье может быть определена как национально-русское двуязычие – «массовое двуязычие нерусских этносов России и стран СНГ»¹.

Большинство проживающих на территории Приднестровья этносов владеет как родным, так и русским языком. При этом владение последним становится преимущественным, особенно в общении на научные, публицистические темы. Активное общение на родном языке и пассивное – на русском наблюдается в основном в сельской местности среди лиц преклонного возраста.

Таким образом, украинско-русский, русско-украинский, молдавско-русский и русско-молдавский билингвизм как разновидности национально-русского билингвизма представляют предмет для исследования и анализа в условиях современных этноязыковых процессов Приднестровья.

Особенность Приднестровского многоязычия заключается в том, что доминирующим языком в данной ситуации является русский. Несмотря на это, другие официальные языки Приднестровья – молдавский и украинский – играют немаловажную роль в жизни данного региона.

Проблема билингвизма и бикультурности в Приднестровье становится все актуальнее в силу объективных обстоятельств. По последним данным, около 70 % населения республики владеют в той или иной мере двумя и более языками, почти четверть – официально признают, что свободно владеют двумя языками.

Очевидно, что значительная часть населения Приднестровской республики живет в условиях бикультурной, а также мультикультурной ситуации, обусловленной различными экономическими, социальными и политическими причинами. Эта проблема

¹ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2014. – Доступ.: slovari.ru

давно стала предметом научного интереса лингвистов, этнологов и культурологов.

§ 1. Основные подходы к описанию фонетической интерференции при обучении русскому языку билингвов Приднестровья

Говоря о возможных случаях фонетической интерференции в ходе контактов русского и украинского, а также русского и молдавского языков, необходимо определить те участки фонетической системы, которые будут подвержены интерферирующему воздействию.

В отношении гласных и согласных звуков – это состав фонем, их артикуляционные характеристики и особенности функционирования. На просодическом уровне – это акцентные и интонационные характеристики.

Детальное сопоставление фонетических систем русского и украинского языков, с одной стороны, а также русского и молдавского – с другой, позволит прогнозировать случаи интерференции и предложить систему мер по их минимизации и устранению.

В терминологической системе теории языковых контактов интерференция определяется как взаимодействие языковых систем при двуязычии, следствием которого является отклонение от норм в неродном языке под влиянием родного языка. При этом термин «двуязычие» применяется и в ситуации индивидуального владения двумя языками, и в ситуации коллективного или массового владения двумя языками. Степень владения вторым языком может быть разной: от элементарного до полного (свободного).

В Приднестровье, как свидетельствуют данные социологических опросов, наибольшее распространение получило украинско-русское двуязычие, что связано с употреблением говорящими наряду с родным украинским языком неродного русского языка, т. е. жители республики свободно владеют русским (по данным

переписи 2015 года), но украинский признают языком своей национальности – 39,4 % опрошенных. Второе место по количеству носителей в Приднестровье принадлежит русско-украинскому двуязычию: среди опрошенных 32,7 % русских указали свободное владение украинским языком. Однако между данными переписи и материалами социалингвистического исследования языковой ситуации в Приднестровье имеются существенные разногласия.

В республике украинско-русское двуязычие приобрело черты асимметрии, поскольку сужение сфер функционирования украинского языка привело к диглоссии. Фактически коллективное украинско-русское двуязычие было переходным этапом в процессе вытеснения из употребления родного языка¹.

При такой языковой ситуации в ПМР наиболее распространены два типа интерференции между украинским (Я1) и русским (Я2) языками. Первый тип интерференции заключается в переносе особенностей (фонетических, лексических, грамматических и т. п.) русского языка на украинский язык (Я2–Я1). Второй тип интерференции – перенос особенностей украинского языка на русский (Я1–Я2).

Предметом нашего рассмотрения является фонетический уровень интерференции первого типа, в частности отклонения от фонетических норм в украинском языке под влиянием русского языка.

Украинско-русское двуязычие в Приднестровье характеризует еще и такая особенность, как широкое попеременное использование билингвами в разных ситуациях то украинского, то русского языков, что вместе с их структурной близостью является основным источником смешивания средств обоих языков, взаимного проникновения элементов их систем в речи билингвов.

Анализируя современное состояние украинско-русского двуязычия в контексте теории языковых контактов, можно предположить, что для подавляющего числа украинско-русских билингвов характерен тот тип соотносительности двух языковых систем, при котором отсутствует их четкое противопоставление².

¹ Официальные языки в ПМР. – 21.02.2017 г. – День родного языка в ПГУ. – Доступ.: <http://radio.pgtrk.ru/>

² Вопросы языка в современных исследованиях: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения», 15 мая 2012 года. – М. – Ярославль, 2012. – 288 с. – Доступ.: http://www.pushkin.institute/science/konferencii/kiirilko-mefodievskie_chteniya/KMCH_Filobrazovanie_2012.pdf

Поскольку взаимодействие языковых систем происходит через индивидов, использующих два языка в процессе общения, то есть основания говорить о разной степени смешения, которая зависит от языковой компетенции индивида: чем выше степень языковой компетенции, тем ниже степень смешивания языковых систем.

Известно, что при языковых контактах любого типа наиболее проницаемой для иностранных влияний является лексическая система. Наиболее устойчивой считают морфологическое строение, менее устойчивыми – фонетическую систему и синтаксис. О большой проницаемости лексической системы свидетельствует наличие в разных языках достаточно большого слоя заимствований, которые в теории языковых контактов оцениваются положительно, поскольку, как правило, мотивированы и обогащают язык, который заимствуют. С лексическими же интерференциями языковая система борется, они остаются только в речи индивидов-билингвов с невысокой степенью языковой компетенции.

Другая картина наблюдается на фонетическом уровне. При относительно небольшой устойчивости фонетической системы языка, о чем свидетельствует тот факт, что фонетика способна меняться как система общенародного языка, в языковой практике индивидов-билингвов и даже целых групп она часто подвергается интерференционному влиянию другого языка.

Фонетическая интерференция распространяется как на сегментную подсистему фонетической системы языка, так и на суперсегментную (просодическую) подсистему.

В сегментной подсистеме украинского языка распространенным типом фонетической интерференции является субституция, которая воздействует и на парадигматические, и на синтагматические отношения. В профессиональной литературе бытует мнение о том, что субституции не вносят значительных нарушений в фонетическую систему языка, которая испытывает интерференционное влияние этого типа, и не вызывают трудностей в общении с одноязычными лицами¹. Некоторые авторы (Багмут А.И., Борисюк И.В., Олейник Г.П., Плющ Н.П.) даже объясняют фонетические субституции «лингвистической ленью» двуязычных лиц, которые не хотят прилагать большие усилия, чтобы придерживаться «тонкостей» произношения².

¹ Украинська речь. Енциклопедія. – М., 2000. – С. 752.

² Типология интонации речи: Монография / А.И. Багмут, И.В. Борисюк, Г.П. Олейник, Н.П. Плющ. – Киев, 1977. – С. 405.

Между тем фонетические субституции могут привести не только к нарушению орфоэпических норм, но и к существенным изменениям в фонетической системе языка. Это касается, прежде всего, интерференционного влияния на украинскую звуковую систему русского позиционного оглушения звонких шумных согласных, в результате чего развивается нейтрализация противопоставления согласных фонем украинского языка по дифференциальному признаку звонкость-глухость: *бу[ф]* (вместо *бу[ф']*), *Киї[ф]* (вместо *Киї[ф']*), *по[ф]торення* (вместо *по[ф']торення*).

Замена украинской фонемы <в> русской фонемой <ф> может привести к выводу украинской фонемы <в> из класса сонорных и переводу ее в разряд шумных¹. Замена звонких шумных украинского языка на глухие в сильной позиции (конец слова) приводит не только к нарушению фонетического закона украинского языка, но и к коммуникативным помехам.

Например:

вихі[t] (вместо *вихі[д]*);

холо[t] (вместо *холо[д]*);

гри[n] (вместо *гри[б]*);

гара[ст] (вместо *гара[зд]*).

Широко распространена также субституция украинской твердой <ч> русской палатальной <ч'>.

Например:

[ч'ас] вместо *[час]*;

[хоч'у] вместо *[хочу]*;

[ч'ому] вместо *[чому]*.

Диспалатализация украинской [ц'] также является следствием русского интерференционного влияния.

Например:

адміністра<цы>я вместо *адміністра<ці>я*,

кваліфіка<цы>я вместо *кваліфіка<ці>я*.

Интерферентным влиянием фонетической системы русского языка на фонетическую систему украинского языка можно объяснить нарушения живого фонетического чередования шипящих со свистящими.

Например: *перемо<ж>ці* вместо *перемо<з'>ці*;

запоро<ж>ці вместо *запоро<з'>ці*;

сміє<ш>ся вместо *сміє<с'>ся*.

¹ Українська реч. Енциклопедія. – М., 2000. – С. 752.

В системе украинского вокализма зонами фонетической субституции являются:

1) редукция в конце слова: *пита*[e] вместо *пита*[йе]; *Укра*[i]на вместо *Укра*[йі]на;

2) напряженное [и] под влиянием русского [ы]: *К*[ы]їв вместо *К*[и]їв; *в*[ы]сок[ы]й вместо *в*[и]сок[и]й;

3) аффрикатизация (дзекание, цекание) украинских палатальных сомкнутых [д'] и [т']: *хо*[дз']я[ц'] вместо *хо*[д']я[т'], *пишу*[ц'] вместо *пишу*[т'], [дз']іти вместо [д']іти;

4) нарушение чередований согласный/гласный: *писав* [в] *зошиті* (вместо *писав* [у] *зошиті*), *з рук* [в] *руки* (вместо *з рук* [у] *руки*).

В методике преподавания иностранных языков просодия речи всегда находится в центре внимания, поскольку именно в этой области, как утверждает большинство авторов, наблюдается наибольшее количество ошибок, допускаемых людьми, изучающими неродной язык.

Дело здесь не только в том, что в процессе овладения неродным языком человек вносит в него типичные для родного языка просодические закономерности, поскольку воспринимает звучание чужой речи через призму фонетической структуры родного языка. Устойчивость просодической интерференции обусловлена еще и другой причиной – неодинаковой последовательностью овладения фонетической системой Я1 и Я2.

Механизм усвоения фонетического строения Я1 и Я2 разный: в родном языке сначала усваивается просодия (интонация), а затем через слог как наименьшую произносимую единицу познаются звуки. Так, в работе Р.В. Тонковой-Ямпольской доказано, что интонационный слух у ребенка формируется раньше, чем слух фонематический¹. Что же касается овладения фонетическим строением Я2 в условиях искусственного (учебного) билингвизма, то этот процесс идет в обратном направлении: сначала усваиваются звуки, а затем просодия (интонация) речи.

Владея устойчивыми навыками восприятия и воспроизведения единиц просодии родного языка, индивид уподобляет им просодические модели и единицы изучаемого языка. Неадекватная интерпретация просодии изучаемого языка ведет к изменениям в реализации билингвом просодической системы Я2

¹ Тонкова-Ямпольская Р.В. Развитие речевой интонации у детей первых 2-х лет жизни // Вопросы психологии. – 1968. – № 3. – С. 94–101.

под влиянием системы Я1, ведущим к отклонениям от нормы в Я2. Именно эти отклонения часто называют акцентом.

Кроме того, просодическая интерференция может приводить к серьезным осложнениям в понимании содержания устного высказывания, поскольку последнее включает не только лексическое значение слов, грамматические формы и синтаксические структуры, но и значение просодических (интонационных) структур со всеми возможными дополнениями.

Современная теория фразовой просодии сосредоточила внимание преимущественно на просодических системах отдельных языков. Что касается сопоставительно-типологических исследований, то они проводятся редко и, как правило, не затрагивают вопросов интерференции. Из-за недостаточности объема результатов контрастивных исследований изучение взаимодействия просодических систем языков оказывается очень сложным. Эта сложность характеризует как описание просодической интерференции, возникающей в условиях искусственного (учебного) двуязычия, так и описание просодической интерференции, возникающей в условиях естественного национально-русского двуязычия¹.

В условиях искусственного двуязычия основная цель заключается в изучении Я2, т. е. внимание с самого начала направлено на достижение чистоты и правильности изучаемого языка, который выступает в своей стандартизированной литературной форме.

В условиях же массового украинско-русского двуязычия, когда носители разных языков непосредственно общаются в процессе практической деятельности, основная цель общения состоит в обмене информацией, а форма выражения этой информации отодвигается на задний план. В последнее время особое внимание исследователей лингвистической интерференции обращено на описание проницаемости просодических систем контактирующих языков и объяснение причин высокой степени этой проницаемости. С собственно лингвистической точки зрения нам близко утверждение У. Вайнрайха о том, что благоприятные возможности для развития интерференции создает близость структур языков². И хотя некоторые исследователи усматривают противоречие этой мысли им же высказанному мнению, что чем больше различий между системами, т. е. чем больше у каждой

¹ Вайнрайх У. Языковые контакты. – Киев, 2009. – С. 23.

² Там же.

из них присущих только ей форм и моделей, тем объемнее оказывается проблема изучения потенциальных участков интерференции. Языковые факты указывают на то, что просодическая интерференция между близкородственными языками не только неизбежна, но и в обязательном порядке затрагивает глубинные структуры контактирующих языков, поскольку при контактировании близкородственных языковых систем просодические субституции являются пусть и не столь контрастными и менее заметными, зато максимально стойкими к переучиванию.

Наша попытка анализа зон развития просодической интерференции при контакте украинского и русского языков базируется на данных типологического изучения интонаций русского, украинского и белорусского языков, описанных в монографии «Типология интонации речи»¹. Кроме того, использованы данные исследований Т.М. Николаевой² и Л.И. Прокоповой³, а также собственные наблюдения за речью украинско-русских билингвов Приднестровья. На основании этих данных можно утверждать, что просодическая интерференция проявляется как в тональной, так и в темпоральной и ритмической подсистемах просодической системы.

Зоны интерференции в тональной подсистеме украинского и русского языков имеют как общие типологические признаки, так и специфические признаки. Именно в переносе специфических признаков с одного языка на другой и проявляется природа просодической интерференции. Типологической чертой интонационных систем украинского и русского (и не только) языков является различие коммуникативных типов фраз (повествование, вопрос и побуждение).

Так, для интонации нарратива в украинском и русском языках общим является восходяще-нисходящий тональный контур, тональный максимум размещается в начале фразы на первом ударном слоге. Совпадение тонального максимума с семантическим центром не свойственно для повествовательной интона-

¹ Типология интонации речи: Монография / А.И. Багмут, И.В. Борисюк, Г.П. Олейник, Н.П. Плющ. – Киев, 1977. – С. 27.

² Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. — М., 2004. — 104 с.

³ Прокопова Л.И. О синтагматическом и актуальном членении // Теория языка, методы его исследования и преподавания (к 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы) / Под ред. Р.И. Аванесова. — Л., 1981. — С. 207–211.

ции в обоих языках. Одинаково в обоих языках и соотношение инициальных и финальных частотных уровней повествовательных фраз: инициальный всегда выше финального. Динамичные контуры повествовательных фраз в обоих языках также подобны – амплитуда интенсивности имеет нисходящий или восходяще-нисходящий характер с максимумом на первых ударных слогах.

Специфические признаки тонального контура нарратива локализуются на определенных его участках, образуя так называемую тонкую (глубинную) интонационную структуру повествовательной фразы. Здесь можно отметить характер частотных изменений (интервалы между ударным и предударным или постударным слогами интонационного центра, скорость подъема или спада тона, частотный диапазон всей фразы). Анализ названного признака дает основание утверждать, что движение тона в тональной шкале украинского языка медленнее и ровнее по сравнению с русским. Здесь и пролегает зона просодической субституции.

К специфическим признакам интонации нарратива в украинском языке относится темпоральная характеристика максимального времени звучания последнего слога фразы. Максимальным временем звучания характеризуется в украинском языке также постударный слог в абсолютном конце фразы. Зато в русском языке для постударного гласного, независимо от его позиции в фразе, характерна минимальная продолжительность по сравнению с ударным и предударным слогами. Эта закономерность распределения времени звучания сохраняется и в просодии каждого слова русской фразы. С таким акцентно-ритмическим строением связано явление редукции гласного в первом постударном слоге, что является типичной чертой русской устной речи, но совсем не свойственно украинскому языку, а кроме того, свидетельствует об отличии в ритмической организации украинской от русской фразы. Перенос этой черты на почву украинской просодической структуры нарушает ритмическую структуру языка.

Тонально-динамический и темпоральный контуры вопросительных фраз в украинском и русском языках в основном сходны. Специфической чертой российских вопросительных фраз является больший частотный диапазон. Интонационная организация побудительных фраз в украинском и русском языках во многом похожа. Однако в украинском языке наблюдается замедление

произношения конца побудительных фраз. Для русского языка такое темпоральное оформление не характерно.

Таким образом, наибольшая вероятность развития просодической интерференции в украинском языке под влиянием русской (и наоборот) лежит в зоне темпоральных признаков. По данным, приведенным в «Типологии интонации речи», темп речи в украинском языке медленнее, чем в русском, что дает возможность сделать вывод об отсутствии в украинском языке тяготения к временной компрессии и наличии ее в русском языке¹.

К интерферирующим признакам, кроме только что рассмотренных специфических признаков интонационных структур основных интонационных типов, относятся и просодические признаки их модально-экспрессивных вариантов. Проблемы фонетической интерференции на сегментном и суперсегментных уровнях актуальны как в целом для теории взаимовлияния языковых систем, так и для исследования в рамках прикладной лингвистики, в частности методики преподавания родного и иностранных языков.

Обращаясь к рассмотрению особенностей фонетической интерференции в условиях контактов молдавского и русского языков, необходимо отметить, что качественные отличия в системе гласных двух языков достаточно многочисленны. Они обусловлены тем, что в русском языке звучание гласного определяется позицией звука по отношению к месту ударения (ударное положение – сильная позиция; предударное, заударное – позиции слабые), в связи с чем русскому языку присуще явление редуции, или сокращение долготы звучания гласного. Степень редуции гласного может быть разной в зависимости от его позиции, можно отметить много случаев сверхкраткости гласного, в отдельных случаях редуция может достигнуть такой степени, что гласный практически утрачивается.

В молдавском языке, в отличие от русского, нет явления редуции: в безударном положении гласные не меняют своего качества и долготы звучания, они лишь произносятся менее напряженно. Например, в слове *полобок* гласный [o] во всех трех позициях звучит одинаково. Русские, говоря по-молдавски, часто редуцируют безударные гласные под влиянием указанной закономерности их родного языка, в то время как молдаване в сво-

¹ Типология интонации речи: Монография / А.И. Багмут, И.В. Борисюк, Г.П. Олейник, Н.П. Плющ. – Киев, 1977. – С. 27.

ей русской речи обычно произносят гласные во всех позициях более четко, чем положено в русском языке.

В результате редукиции в русском языке в безударном положении различается меньше гласных, чем в ударном. На месте [‘э], [‘а] произносится краткий [и] после мягких согласных, а на месте [о], [а], [э] после твердых согласных – краткий [а]. В остальных безударных позициях – средний между [а] и [ы], в фонетической транскрипции обозначаемый знаком [ъ]. Гласный на месте [э] после мягких согласных в безударных слогах ближе к [и], чем к [э]. По этой причине почти не различаются в произношении такие, например, пары слов, как *пребывать* – *прибывать*, *леса* – *лиса*, *будешь* – *будишь*, выступающие как омофоны.

Качество звучания гласных в русском языке определяется также и их сочетаемостью с твердыми и мягкими согласными. Гласный [а] в ударной позиции после твердых согласных и в начале слова не вызывает особых затруднений, так как артикуляционных особенностей у этого гласного в обоих языках нет.

Предшествующий гласному мягкий согласный, также как и последующий за гласным мягкий согласный заставляет гласный звук частично приспосабливаться к артикуляции мягкого согласного, что придает гласному начальный призвук [ɨ], и конечный, менее выраженный призвук [ɨ]. Молдавскому языку такое явление не присуще.

Если в русском языке гласный [а] стоит после мягких согласных, то он оказывается аккомодированным и словно приобретает начальный призвук [ɨ], и в ударной позиции произносится как дифтонг в молдавском языке, а на письме отражается буквой *я*: *тяга*, *пять*, *мяч*.

Однако если [а] после мягких согласных в предударном слоге оказывается в безударной позиции, то в результате редукиции он произносится как редуцированный [и³]: *пятерка*, *тяжелый*, *мятеж*, *связной*, *подтянуть*. Эта позиция и представляет трудность для молдаван, так как здесь наблюдается не только количественное, но и качественное изменение звука (фонема <а> реализуется в редуцированном звуке [и³]).

Правильное произношение носителями молдавского языка этого звука может быть достигнуто лишь после того, как они научатся в достаточной степени редуцировать гласные.

В обоих языках гласный [о] – дифтонгоид, т. е. произносится с начальным призвуком [у]. Однако в молдавском языке этот

призвук в начале слова более ощутим, чем в русском. При произношении русского ударного [o] губы только округляются, но не вытягиваются вперед, как это происходит при произношении молдавского [o]. В связи с этим обращаем внимание на такую ошибку интерферирующего характера в речи носителей молдавского языка, как произношение [yон] вместо [он], [yочень] вместо [очень], [yорган] вместо [орган].

В безударном положении русский [o] произносится по-разному в зависимости от фонетического контекста. Гласный [ʌ] в первом предударном слоге после твердых согласных и в начале слова в безударных слогах произносится менее долгий, чем в ударном слоге, . В остальных безударных позициях – сильно редуцированный гласный [ʊ] или [ɐ] – в позиции после мягких согласных.

В некоторых словах, заимствованных из других языков, гласный [o] произносится четко, без редукции и в безударных позициях: *поэт, Флобер, Шопен, маэстро, поэма, какао, фото* и др. Однако большая часть слов, заимствованных в более ранние времена, уже адаптировалась к русской произносительной системе и в речи носителей русского языка как родного не выделяется какими-либо особенностями произношения. В таких словах произношение редуцированного [ʌ] на месте буквы o в безударном положении стало нормативным: *конкретно, демократия, фонема, конспект, профессор, роман, соната*. В этих и других подобных примерах молдаване часто допускают произносительную ошибку, четко выговаривая [o].

Русскоговорящие, изучающие молдавский язык, сталкиваются с трудно преодолимой преградой – произношение короткого молдавского [o]. Этот звук [oa] отсутствует в русском языке и является специфическим фонетическим явлением молдавского языка. В произношении этого дифтонга русскоговорящие в своей молдавской речи впадают в две крайности: либо это сочетание не дифтонгируют, либо произносят на месте дифтонга лишь звук [a]. Метод имитации правильного произношения не всегда приводит к ожидаемым результатам. Эффективнее может быть другой метод – при произношении дифтонга [oa] следует округлить губы как бы для произношения звука [o], однако не произнося его, и выстроенной для произнесения этого звука артикуляцией произнести звук [a]. Русскоязычные индивиды, имеющие навыки редуцирования, часто в своей молдавской речи произно-

сят на месте [о] в безударных позициях звук [а]. Если подобные ошибки не удастся исправить методом имитации, то следует их преодолевать путем произношения слов по слогам.

Гласный [э] присущ обоим языкам, однако в русском в зависимости от позиции он может иметь разное качество звучания. Русский [э] после мягких согласных в ударном положении соотносим с молдавским гласным, однако в других позициях такого сходства нет. В русском языке чистое качество гласного [э] проявляется в таких позициях, в которых в молдавском звук [э] не встречается, и наоборот, молдавский [э] занимает такие позиции, которые чужды русскому языку.

Положение [э] в начале слова встречается в русском языке главным образом в многочисленных заимствованиях, в словах, имеющих в абсолютном большинстве и в молдавском языке, но здесь в начале слова произносится недифтонгированный звук [е]. В молдавском этот звук открытый, без особой йотации в начале слова за незначительными исключениями, и встречается только в заимствованиях-интернационализмах: *эгоист* – *егоист*, *экзамен* – *екзамен*, *экран* – *екран*, *экземпляр* – *екземпляр*, *экономист* – *економист*, *экспорт* – *експорт*, *эхо* – *екоу*, *этаж* – *етаж*.

Русскоговорящие, как правило, не испытывают затруднений при произнесении начального [е] или дифтонга [ие] в начале слова, так как в их родном языке эти звуки могут быть в начале слова под ударением. Например: *ездить*, *едкий*, *есть*, *если*, *егерь*, *ель*. Если в иноязычных заимствованиях (*эпоха*, *экзамен*) они изредка и произносят открытый [э] в результате влияния приобретенного навыка произношения на родном языке, то эти ошибки в молдавском языке легко искоренимы.

Сложнее приходится носителям молдавского языка, потому что в начале слова в молдавском языке [э] никогда не встречается, следовательно, навыка его произношения в этой позиции у них нет.

В положении в середине слова после гласных звук [э] произносится также четко, сохраняя характеристики соответствующей фонемы: *дуэль*, *дуэт*, *поэма*, *поэт*, *силуэт*. Эти и некоторые другие слова, будучи заимствованными, имеют лексические параллели в молдавском языке: *дуел*, *дует*, *поем*, *поет*, *силует*. В исконно молдавских словах в позиции после гласного произносят и пишут [е].

После твердых согласных [ж], [ш], [ц] в ударном положении (*цель, шесть, жест, цепь, шерсть, жезл, жердь*) традиционно пишется буква *е*, что усложняет работу по постановке правильного произношения звука [э]. Перечень примеров, иллюстрирующих эту позицию, можно дополнить и рядом иноязычных слов: *кемпинг* – к[э]мпинг, *депо* – д[э]по.

В основной же массе русских слов звук [э] сочетается с мягкими согласными, которые осложняют этот звук начальным призвуком [ɨ]. После мягких согласных [э] графически передается буквой *е* и в ударной позиции не отличается по звучанию от молдавского звука [е].

В русском языке гласный [э] в середине слова, сочетаясь в абсолютном большинстве случаев с мягкими согласными, может оказаться и в ударной и в безударной позиции. В последней в результате редукции гласный [э] произносится как звук между [и] и [э] в первой предударной позиции или как редуцированный [ь] – в остальных позициях.

Например:

веселый – в[и^э]селый;

меня – м[и^э]ня;

телевидение – т[ь]л[и^э]вид[ь]ние;

разрешить – разр[и^э]шить.

Носители молдавского языка на месте мягкого редуцированного [э], естественно, произносят звук, сходный с молдавским [е]: м[е]ня, т[е]бя. В свою очередь, русскоговорящие в молдавской речи под влиянием имеющегося у них навыка редуцирования безударный [е] произносят как редуцированный [и] или [ь].

Гласный [и] молдавского языка отличается от русского [и] большей напряженностью. При его произношении спинка языка поднимается максимально к верхнему небу, за счет чего и появляется кажущаяся йотация. Йотированность гласного [и] хорошо ощущается в начале слова. Например: [ju]ра (*Ййра*).

При постановке произношения русского гласного [и] у носителей молдавского языка следует учесть позиционные изменения его качества. В сочетании с мягкими согласными этот звук не представляет особых трудностей, потому что даже в безударном положении он изменяется только количественно, но не качественно, поскольку [и] однороден на всем протяжении своего звучания.

Однако после твердых согласных [ж], [ш], [ц] гласный [и] произносится как [ы].

Например:

жизнь – ж[ы]знѣ;

широкий – ш[ы]рокий;

цитата – ц[ы]тата.

В соответствии с законами междусловной фонетики на месте [и] в начале слова после другого слова, оканчивающегося на твердый согласный, также произносится звук [ы]: *брат* [ы]дѣт, *де-легация вернула* из [Ы]ндии.

На стыке морфем, когда приставка оканчивается на твердый согласный, а корень начинается на *и*, произносимый звук [ы] согласно русской орфографии отражается графически буквой *ы*. В этих случаях возможны ошибки не только произносительные, но и орфографические (вместо *ы* пишут *и*): *безынтересный*, *безымянный*.

Гласный [ы] не представляет трудностей в произношении ни для русских в молдавской речи, ни для молдаван в русской речи.

Гласный [у] в русском языке встречается после твердых и после мягких согласных. Некоторую сложность для молдаван представляет произношение [у] после мягких согласных, потому что в молдавских вариантах пишется и произносится [y].

Например: *чутэ* (ланѣ), *чутурэ* (бадьа), *чупичь* (тапки), *чуперчь* (грибы).

Гласные как в русском, так и в молдавском языках при словоизменении и словообразовании могут чередоваться, но эти чередования как историческое явление различаются в языках, т. е. наблюдается несоответствие в количестве и качестве чередуемых гласных. Основные ряды русских чередований гласных:

е – о – ноль звука – и: *беру – сбор – брать – собирать*;

о – у – ноль звука – ы: *сохнутъ – сухой – засыхать*; *посол – послать – посылать*;

о – а: *смотрѣть, просматривать*.

В молдавском следующие чередования гласных:

а – е: *фата – фете*;

а – е: *маре – мере*;

о – оа: *фрумос – фрумоасэ, торс – тоарче, скрисорь – скри-соаре*;

я – е: *ярна – ернѣ, пярэ – перѣ*;

о – у – оа: *порт – пуртэм – поартэ*.

Нуля звука при чередовании гласных в молдавском языке нет (законы молдавской фонетики не допускают беглости гласных). Необходимо также требовать произнесения звука [о] как [а] в начале слова в безударном положении: *один* – [ʌ] *дин*, *отними* – [ʌ] *тними*.

Русскоязычные при изучении молдавского языка встречаются с определенными трудностями в произношении дифтонгов и трифтонгов. В русском языке дифтонгов и тем более трифтонгов нет, и только в быстрой речи могут встретиться дифтонгические сочетания.

В молдавском языке помимо сложного в артикуляционном плане дифтонга [оа] имеется целый ряд других дифтонгов и трифтонгов. Например: [ау], [уа], [уе], [еу].

Так как в молдавском языке краткость гласного графически не обозначается, русскоязычные часто произносят краткие гласные во всей полноте и отдельно, не сливая их в дифтонги или трифтонги.

Русский и молдавский языки относятся к консонантному типу языков, так как в обоих языках согласные в количественном отношении значительно превосходят гласные. Поверхностный сопоставительный анализ консонантизма в обоих языках иногда приводит к ошибочному представлению о том, что русские и молдавские согласные сходны и почти соотносительны. Очевидно, по этой причине и в русских и в молдавских школах в работе произносительных навыков согласных звуков не уделяется должного внимания.

В связи с этим следует остановиться на некоторых характерных для каждого языка особенностях.

Как известно, в русском языке несколько согласных находятся вне оппозиции «твердость – мягкость». Так, согласные [ж], [ш], [ц] всегда твердые. В молдавском же они могут смягчаться, как и другие парные согласные, перед молдавскими гласными [е], [и], поэтому навыки произношения, приобретенные в родном языке, для молдаван в их русской речи являются довольно устойчивыми. Необходимо уделять должное внимание правильному произношению шипящих согласных, особо следить за тем, чтобы согласные [ж], [ш], [ц] произносились как твердые даже тогда, когда за ними ставится *ь* или *е, и* (*даёшь, жизнь, цирк, шерсть, шило*). С другой стороны, следует добиваться мягкого

произношения [ч'] и [ш'] даже перед [а], [у] (*час, щавель, чуть, щука*).

В молдавском языке согласные [д], [т], [н] даже в позиции перед гласными [и], [е], обозначающей палатализованность остальных согласных, смягчаются незначительно – они становятся полумягкими: [ð]и*н* [т]е, [н]и*ме*[н]. Чтобы научить правильному произношению таких согласных, следует указать на специфику их артикуляции в обоих языках, лежащую в основе различий между звуками.

При произношении [д] кончик языка касается верхних передних зубов, т. е. язык при произнесении и твердых, и полумягких вариантов этих согласных не меняет позицию. Такую же позицию занимает кончик языка при артикуляции русских [д], [т], [н].

Правильная артикуляция – единственный способ искоренить ошибочное произношение. В развитой двуязычной среде у некоторых молдавско-русских билингвов наблюдается и обратное влияние – русская артикуляция мягких [д], [т], [н].

В русском языке не имеют пар по твердости мягкие [ч], [щ], [й]. Они не вызывают каких-либо затруднений у молдаван, так как аналогичные звуки имеются и в молдавском языке.

Специфичной для молдавского является аффриката [дж]. Этого звука в русском языке нет, поэтому на постановку его произношения необходимо обратить особое внимание.

Определенный интерес представляет сопоставление русских и молдавских звуков [л], [л']. В русском языке это щелевые переднеязычные согласные. При произнесении твердого [л] в русском языке кончик языка поднимается и упирается в верхние зубы, сам язык опускается, и воздух проходит по бокам языка. При произнесении мягкого [л'] сохраняется почти то же положение органов речи, но средняя и задняя часть спинки языка сильно поднимается к твердому небу.

Молдавский [л'] перед молдавскими [е], [и] произносится так же, как и русский [л'], в то время как твердый молдавский [л] произносится значительно мягче русского [л]. Молдаване на начальном этапе затрудняются в произношении русского [л'] в положении перед согласными: *большой, мальчик*.

К позиционным изменениям согласных в русском языке относятся процессы оглушения и ассимиляции. В абсолютном конце слова действует исключительная закономерность – оглушение

звонкого согласного и замена его глухим парным: [д]–[т], [ж]–[ш] и так далее, за исключением сонорных согласных, не имеющих пар по глухости. Если в конце русского слова оказывается сочетание из двух звонких согласных, оба оглушаются, последний – в результате указанной выше закономерности, а предпоследний – как результат регрессивной ассимиляции по глухости.

В молдавском языке звонкость – глухость в конце слова является словоотличительным явлением, поэтому звонкие и глухие согласные произносятся четко. Соблюдая фонетический принцип, один из основных в молдавской орфографии, молдавско-русские билингвы обычно не оглушают звонкие согласные в конце слова. И наоборот, русскоязычные в молдавской речи оглушают звонкие. Это различие согласных обоих языков имеет непосредственное отношение к методике обучения произношению на неродном языке, поскольку оглушение звонких согласных в позиции конца слова является одной из устойчивых интерфером для русско-национальных билингвов, равно как и для национально-русских.

В середине слова в русском языке наблюдается процесс регрессивной ассимиляции:

трубка – *тру*[п]ка;
сказка – *ска*[с]ка;
веревка – *вере*[ф]ка;
сделать – [з]делать;
молотба – *моло*[д']ба.

В молдавском языке ассимиляция по глухости/звонкости также наблюдается, но главным образом в историческом аспекте.

Русский [в] в позиции перед гласным не уподобляется предшествующему глухому, потому звучание таких сочетаний всегда соответствует графическому обозначению: *квартал*, *сверло*, *твердый*. В молдавском языке звонкий [в] в позиции перед глухим согласным подвергается прогрессивной ассимиляции: *с[ф]екла* (русское *свекла*), *с[ф]адьба* (русское *свадьба*). Такой навык произношения предопределяет ошибки в русской речи молдаван (типа *с[ф]ета*, *с[ф]ятой*, *т[ф]орчест[ф]о*).

Явление оглушения звонких согласных в абсолютном конце слова ставит перед преподавателем различные задачи в нерусскоязычной и в русскоязычной аудиториях. Русскоязычные оглушают звонкие в устной речи и часто отражают это на письме. Поэтому они пишут иногда *хлеп*, *огорот* вместо *хлеб*, *ого-*

род. В нерусскоязычной аудитории обычно не оглушают звонких согласных, и по аналогии, например, с формой родительного падежа *хлеба*, они произносят и пишут *хлеб*, так что орфографическая задача отпадает. Задача в данном случае орфоэпическая – научить их читать и произносить в устной речи *хлеп*, а не *хлеб* и т. п.

Специфическим явлением русского языка являются удвоенные согласные. В молдавском языке удвоенные согласные – это скорее дань морфологическому принципу орфографии (речь идет о согласных буквах на стыке морфем, которые на письме дублируются).

Природа долгих согласных звуков в русском языке различна. Это может быть результатом традиционного принципа орфографии – в заимствованных словах правила русской орфографии требуют сохранения двойных согласных: *оппозиция*, *аттестат*, *аккумулятор*, *территория*, *коллектив*, *аппендицит*, что отражается и на произнесении. В некоторых случаях такие удвоения не отражаются в произношении и представляют для молдаван (как, впрочем, и для русских) затруднения только орфографического порядка.

Долгие согласные встречаются на стыке морфем и в суффиксах *-ованн-*, *-еванн-*, *-енн-*, например: *оттуда*, *рассказ*, *воззрение*, *беззаконие*, *опрошенный*, *продиктованный*, а также выступают результатом изменений звуков в потоке речи: о[д:]авать – отдавать. Произношение долгих согласных в таких случаях зависит от характера согласного. Долгий щелевой может быть продлен: не[с:]я, бе[с:]ил, смычные же согласные (взрывные) не могут быть продлены, поэтому произнесение долгого смычного, в отличие от простого, характеризуется долгим затвором, т. е. несколько затянувшимся сопротивлением смыкающихся органов предстоящему взрыву: о[т:]ок – отток, по[д:]ержка – поддержка.

Согласные [з], [с] на стыке морфем и отдельных слов, сочетаясь с [ж], [ш], полностью уподобляются им, поэтому сочетания *зш*, *жж*, *сж*, *сш* в таких позициях произносятся как [ж:], [ш:] *бе[ж:]алостный* – безжалостный, *бе[ж:]елания* – без желания, *вы[ш:]ий* – высший, *ни[ш:]ий* – низший, *[ж:]ечь* – сжечь. Звук [г] в сочетаниях *гж*, *гш* произносится как [х]: *мя[х:]кий* – мягкий, *ле[х:]че* – легче. Это явление – результат регрессивной ассимиляции по глухости и диссимиляции по способу артикуляции взрывных согласных. На месте сочетания *чт* произносит-

ся [шт] в слове *что* и в производных от него: [ш]то, [ш]тобы. В других словах произношение ч соответствует написанию: по[ч]та, ме[ч]та, про[ч]ти. Сочетание чн в некоторых словах произносится как [шн]: *було[ш]ная, скворе[ш]ник, коне[ш]но*, в других словах – в зависимости от сочетаемости: *серде[чн]ые капли, но сердце[ш]ный друг* и др.

Интерференция в этом случае проявляется в том, что как национально-русские билингвы, так и русскоязычные монолингвы в силу сложившейся в регионе произносительной специфики тяготеют к побуквенному произнесению подобных сочетаний.

На месте сочетания *дц, тц* произносится [ц] с долгим затвором: о[ц:]епить – *отцепить, пятна[ц:]ать*. Так, [ц] с долгим затвором произносится и на месте сочетаний *тс(я), тьс(я)* в возвратных формах глаголов: *возвращае[ц:]я, возвраща[ц:]я*. Такое же произношение *дс, тс* отмечается и на стыке корня и суффикса: *горо[ц:]жой, де[ц:]тво, кана[ц:]жий*.

На месте сочетаний *дч, тч* произносится согласный [ч] с долгим затвором: *прохо[ч']ик – проходчик, разве[ч']ик – разведчик*.

В русском языке некоторые согласные в определенных фонетических сочетаниях меняют качество звучания, не получая графического отображения. Приведем в пример самые распространенные случаи: согласный *з* в окончаниях родительного падежа единственного числа прилагательных, местоимений, числительных произносится как [в]: *хороше[в]о, это[в]о*. Это явление четко нормировано в русском языке, поэтому навык правильного произношения согласного в этом положении вырабатывается легко еще на начальном этапе изучения русского языка, и для национально-русских билингвов, как правило, сложности не представляет.

В отличие от молдавского языка в русском языке имеет определенное распространение явление непроизносимого согласного. Оно отмечается в местах скопления 3–4 согласных, разных по своему образованию и трудно произносимых в такой сочетаемости. К непроизносимым относятся согласные [л] в сочетании *лнц (солнце)*; [д] в сочетании *рдц (сердце)*; [т] в сочетаниях *стн (костный), стл (счастливый), ндск и нтск (голландский, гигантский), стск (марксистский)*; [д] в сочетании *здн (поздно)*; [в] в сочетании *вств (здравствуй, чувствовать)*. Для национально-русских билингвов с родным молдавским языком правильность произнесения таких слов не всегда очевидна, как и выбор непроизносимого согласного.

Для сопоставительного анализа представляют интерес специфические особенности фонологических систем изучаемых языков, явно проявляющие себя в иноязычных словах, которые, выражая идентичные или близкие значения в обоих языках, получают в каждом из них своеобразную фонетическую интерпретацию. Сочетания *ги, ге* соответствуют сочетаниям *же, жи*: *геология – жеоложие, жимнастикэ*. В некоторых же словах действует другая закономерность:

ге, ги – е, и: *гимн – имн, гербарий – ербариу, гипотенуза – ипотенузэ, гипотеза – ипотеза* (но: *гиена – мень, гидролог – хидролог*);

жэ, жы – же, жи: *жестикуляция – жестикуларе, режиссер – режизор, стажировка – стажиере*;

це, ци – че, чи: *циничный – чиник, центр – чентру, циклон – чиклон, сцена – счена*;

ав – ау: *август – аугуст, космонавт – космонаут, автомат – аутомат, автограф – аутограф*.

Что касается буквы *ъ*, употребляемой в русском письме только как разделительный знак, то важно сопоставление таких слов, для обозначения которых в молдавском письме употребляется буква *ь*. Таких слов мало: например, русские термины *объект, субъект* на молдавском звучат как *объект, субъект*. Важно предупреждать смягчение согласного перед буквой *ъ* и пропуск звука *[j]*: *отъезд* (не читать, как *от'езд*), *съезд, подъём* и т. п. Такого рода работа требует напряженного внимания преподавателя на уроках литературного чтения.

Ударение является одним из суперсегментных фонологических средств в обоих языках. Под ударением (акцентом) понимается выделение различными фонетическими средствами одного из слогов в составе слова. Ударение в русском языке классифицируется следующим образом.

Во-первых, по природе ударения: оно может быть силовым (динамическим), если определяется силой выдоха; музыкальным (тоническим), если связано с высотой тона; количественным (квантитативным), если сопряжено с долготой гласного ударяемого слога в сравнении с безударным.

Во-вторых, по месту в слове: ударение может быть фиксированным, если оно прикреплено к определенному слогу в слове (например, во французском, турецком, армянском языках постоянно ударяемым является последний слог; в эстонском, вен-

герском – начальный, в польском, грузинском – предпоследний), или свободным (нефиксированным), если оно не прикреплено к какому-либо слогу от конца или начала слова.

В-третьих, по функции: различают словоразличительную, если ударение служит для различения (смыслового) отдельных лексических единиц, и форморазличительную, если ударение используется для различения словоформ одного и того же слова.

В молдавском языке так же, как и в русском, ударение является свободным (разноместным), падает на разные слоги. Хотя и не существует строгих правил, определяющих место ударения в тех или иных молдавских словах, наблюдаются некоторые закономерности в акцентуации слов.

Ударение на последний слог, как правило, падает в словах: оканчивающихся на согласный звук (*мунчитор, плугар, бунел*); в неопределенной форме глаголов, оканчивающихся на гласный звук (*а кынта, а ведя, а хотэры*); в глаголах в форме имперфекта (*кынтам, читаю, ворбям*); в словах, оканчивающихся на дифтонг (*стилоу, екоу, тырзиу*).

По своей природе ударение в сопоставляемых языках является силовым, или динамическим, так как выделение ударного слога достигается изменением напряженности артикуляции. Квантитивность больше характерна для русского языка, потому что долгота звучания безударного слога намного меньше продолжительности звучания ударного слога (редукция безударных гласных).

Однако, несмотря на общность характеристик, отметим одну закономерность молдавского ударения – зависимость места ударения от качества последнего слога в слове. Этот фактор (характеристика последнего слога) для русского языка нерелевантен.

В молдавском языке, который, как известно, латинского происхождения (в латинском языке было преимущественно фиксированное ударение – оно падало на второй с конца слова слог), ударение чаще всего падает на последний или предпоследний слог. Данные подтверждают; что почти в 90 случаях из 100 ударяемыми являются эти слоги. Следует отметить и другие статистические данные: если последний слог открыт (оканчивается на гласный), ударение падает на предпоследний слог в 95 случаях из 100; если же последний слог закрыт или полуоткрыт (оканчивается на согласный или полугласный), то он является ударным также в 93–95 случаях из 100. Это правило распространяется и на современные заимствования.

Ударение характеризуется также подвижностью или неподвижностью. Неподвижным является ударение, которое падает на одну и ту же морфему во всех формах грамматической парадигмы данного слова. Подвижным является такое ударение, которое в словоформах грамматической парадигмы слова перемещается на разные морфемы: *голова́, голове́, го́лову* и т. д.

С этой точки зрения типология русского и молдавского языков, в принципе, одинакова: в обоих проявляется подвижность и неподвижность ударения, хотя анализ языковых фактов показывает, что в русском языке ударение более подвижно, чем в молдавском. Объясняется это тем, что в русском языке аффиксальные и флексивные морфемы играют большую, чем в молдавском языке, роль в словообразовании и словоизменении; приставки, суффиксы, флексии могут значительно видоизменить фонетический облик словоформы. Склонение существительных, прилагательных и других частей речи в молдавском языке осуществляется с помощью артиклей, постпозитивных или препозитивных, само же слово при склонении почти не изменяется.

Подвижность ударения в молдавском языке чаще отмечается в глагольном формообразовании в словообразовании. Таким образом, ударение в грамматической парадигме частей речи в молдавском языке чаще всего подчиняется определенным правилам. Изучающим этот язык в качестве неродного легко их усвоить и создать необходимые стереотипы, связанные с местом ударения в тех или иных словоформах.

Подобное нельзя утверждать в отношении русской парадигматики. Разноместность делает ударение в русском языке индивидуальным признаком каждого слова. В связи с этим национально-русскому билингу для усвоения правил русской акцентуации необходимо хорошо знать природу русского слова.

Исследователи русской акцентологии для описания акцентной характеристики частей речи используют понятие акцентной линии, определяемой по совокупности ударений словоформ в грамматической парадигме данной части речи. Согласно этой теории акцентные линии могут определяться неконечным ударением во всех словоформах, конечным ударением во всех словоформах и различным соотношением неконечного и конечного ударений.

Правильная постановка словесного ударения в русской речи – задача довольно трудная, так как разноместный и подвижный характер русского ударения исключает возможность выявления

строгих закономерностей. Наибольшие трудности связаны именно с подвижностью русского ударения, поэтому отработку правильной его постановки лучше всего проводить при изучении тех частей речи, для которых такое ударение характерно. В разделе «Орфоэпия» рекомендуется охватить, во-первых, случаи, когда ударение служит для различения значения слов (во всех формах или в одной из них), во-вторых, некоторые из наиболее употребительных слов или форм слов, в которых ударение часто ставится ошибочно.

Итак, частичный сопоставительный анализ фонетических систем обоих языков свидетельствует о том, что наряду со многими сходствами, имеются и многочисленные специфические различия. Эти различия и обуславливают множество интерферирующих произносительных ошибок как в русской речи молдавско-русских билингвов, так и в молдавской речи русских монолингвов.

§ 2. Основные подходы к описанию фонетической интерференции при обучении иностранному языку билингвов Приднестровья

Осуществляя национально-языковую политику, определяя языковую ситуацию с учетом национального состава, особенностей культуры, традиций народов, каждое государство решает также и вопросы образования на родном языке либо с учетом родного языка.

Процесс обучения иностранному языку в этом отношении требует пристального внимания в силу необходимости сопоставления двух, трех, а иногда четырех контактирующих языков. Принцип учета родного языка, выступая в качестве одного из ведущих в методике обучения иностранному, в условиях многоязычия приобретает особое толкование. Возникает вопрос о том, какой язык или языки будут выступать в качестве основы для трансференции – положительного переноса, либо явятся причиной интерференции – отрицательного переноса. Степень

интерферирующего воздействия будет определять, в частности, наличие акцента в иноязычной речи.

Вместе с тем, с учетом одной из важнейших тенденций современного языкового образования, направленной на формирование основных черт вторичной языковой личности в процессе изучения языка и культуры, в настоящее время возникает необходимость в формировании поликультурного характера языковой личности. Билингв, с детства привыкший к неоднородной языковой среде, как правило, оказывается в большей степени восприимчив к изучению иностранных языков. Наряду с этим, языковая база билингва дает больше возможностей для положительного переноса в процессе обучения.

Ряд экстралингвистических и интралингвистических факторов легли в основу разработки так называемой этноориентированной методики обучения иностранным языкам. Согласно принципам этой методики при разработке модели обучения иностранным языкам и культурам в условиях многоязычия и поликультурности учитывается специфика образовательной среды и функциональные характеристики контактирующих языков как родных, вторых родных, иностранных, либо языков-посредников. Однако такой подход не может считаться безусловным. Основным средством преодоления трудностей в процессе формирования коммуникативных навыков является сравнительно-сопоставительный анализ языковых систем, выявление сходств и различий в контактирующих системах.

При двуязычии два языка уже влияют друг на друга, например русский и молдавский, а при изучении третьего языка происходит взаимодействие всех трех языков. Трудность заключается в том, что предугадать какой язык и как повлияет на третий сложно. Так как украинский и русский языки входят в одну языковую группу, а также подгруппу, то интерференция на стыке языковых систем будет не так специфична, в отличие от контакта молдавского и русского языков. Молдавский язык входит в романскую группу, что сильно отличает его систему от русского, предполагает более яркие интерференционные процессы.

Однако в то же время знание грамматической системы молдавского языка может быть очень полезным при изучении английского как иностранного в силу схожести их грамматических структур на определенных участках системы. Наличие большого количества латинских и французских заимствований в лексичес-

кой системе английского языка также делает его более благоприятным для усвоения носителями молдавского языка.

Являясь русскоговорящими, представители большей части населения Приднестровья тем не менее представляют собой билингвов, чистых или смешанных, часто естественных, двуязычных с раннего детства. При этом в ходе изучения иностранного языка они чаще всего опираются на русский как язык-посредник.

Цель обучения иностранному языку в условиях многоязычия часто определяется как обеспечение передачи базового образования и этнокультуры и создания на их основе условий для развития личности. При этом в ходе данного процесса мы часто имеем дело с так называемой «страноведческой интерференцией» или «культурно-страноведческой интерференцией», которая особенно очевидна в поликультурной среде и многоязычной аудитории. С культурно-страноведческими различиями в коммуникации, которые возникают в связи с переносом норм своего коммуникативного поведения в иноязычное культурное пространство, обучающиеся сталкиваются сразу, как только приступают к изучению языка.

Использование естественного билингвизма, учет фоновых знаний национально-русских билингвов в ходе изучения иностранного языка требует как системной подготовки учителя, учитывающей сопоставительный анализ языков, так и наличие необходимых методических материалов.

В том случае, когда опора делается на русский язык как родной или второй родной для всех участников группы, могут быть использованы национально-ориентированные методики обучения иностранному языку. Однако в неоднородной в языковом отношении аудитории необходим другой подход, основанный либо на использовании языка-посредника, либо на учете типологических трудностей иностранного языка.

У. Вайнрайх отмечает, что «с лингвистической точки зрения явление двуязычия требует описания языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом; выявление различий между этими системами, затрудняющими одновременное владение ими, и предсказание таким образом наиболее вероятных проявлений интерференции»¹. Формирование вторичной языковой личности студента-билингва при изучении иностранного языка есть формирование навыков владения иностранным языком с опорой на оба языка, которыми он владеет с детства.

¹ Вайнрайх В. Языковые контакты. – Киев, 2009. – С. 23.

Будучи нацеленным на коммуникацию, точнее на межкультурную коммуникацию, изучение иностранного языка предполагает диалог культур посредством языка. Здесь важно отметить тот факт, что культурная ошибка намного опаснее речевой. Одним из условий изучения иноязычной культуры является толерантное отношение к другим культурам. В связи с этим одной из особенностей обучения иностранным языкам в поликультурной среде является наличие необходимого условия – толерантного отношения к представителям других лингвокультур.

Л.В. Щерба говорил, что мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры¹. Таким образом, воспитывающий характер занятий по неродному языку вытекает из самой сущности учебного предмета, поскольку, по словам Л.В. Щербы, «ничто так не воспитывает в духе интернациональной солидарности, как изучение языков»².

Поликультурная ситуация Приднестровья в этом плане представляет огромные возможности для обучаемых, которые, постигая новый язык, глубже узнают культуру других национальностей этого края. Богатство и красота русского, украинского, молдавского языков, высокий художественный уровень образцов художественных произведений, написанных на этих языках, а также лучшие художественные произведения мировой европейской литературы – все это является благодатным материалом для воспитания толерантного отношения, в первую очередь, к представителям тех национальностей, которые проживают в нашей республике.

Изучение же иностранных языков расширяет кругозор обучаемых и позволяет ближе познакомиться с культурой, традициями народов Европы. Для обеспечения качественного образования необходимо учитывать все факторы, оказывающие влияние на процесс обучения, в том числе и фактор сосуществования нескольких языков в рамках одного образовательного пространства.

Важным условием адекватной межкультурной коммуникации, как известно, является сформированность слухопроизноситель-

¹ Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 313–318.

² Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М., 2007. – 427 с.

ных навыков. В психологии считается, что безусловно правильно мы слышим только те звуки, которые умеем воспроизводить. Еще в 1958 году в своей работе «Рефлексы головного мозга» И.М. Сеченов впервые определил речь как рефлекс, т. е. законченную реакцию организма на внешний мир при посредстве нервной системы»¹. Было выявлено, что самым первым этапом приобретения любого речевого навыка является слуховое восприятие, т. е., не обладая слухом, человек не обладал бы речью.

Приступая к изучению иностранного языка, обучающиеся обладают устойчивыми фонетическими навыками родного языка. Степень сформированности этих навыков в одном или нескольких языках, а также степень генетического сходства и характер взаимодействия контактирующих языков определяют специфику процесса формирования слухопроизносительных навыков и успешность формирования навыков межкультурной коммуникации в целом.

Как известно, слушая иностранную речь, мы пропускаем все услышанное через «фонологическое сито» родного языка, которое не всегда оказывается подходящим для другого языка, так как состав фонем и их фонологически значимых признаков оказывается отличным от родного языка. В этом случае возникает необходимость предотвращения отрицательного воздействия уже сформированных слухопроизносительных навыков, т. е. межъязыковой фонетической интерференции, что, по словам Н.А. Любимовой, есть «скрытый внутренний механизм взаимодействия фонетических систем двух, а иногда и более языков, проявляющийся в индивидуальной речевой практике». Н.А. Любимова определяет фонетическую интерференцию как «нарушение (искажение вторичной языковой системы и ее нормы в результате взаимодействия в сознании говорящего фонетических систем и произносительных норм двух, а иногда и более языков, проявляющегося через интерференцию слуховых и произносительных навыков)»².

По определению Э. Хаугена, интерференция – это «случаи отклонения от норм языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате знакомства с другими языками»³. С целью

¹ Сеченов И.М. Избранные произведения. – М., 1958. – С. 413.

² Любимова Н.А. Фонетический аспект общения на неродном языке (в условиях финско-русского двуязычия). – Л., 1988. – 194 с.

³ Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. – 1972. – Вып. 6. – С. 62.

минимизации интерферирующего воздействия системы родного языка, как известно, приводящего к акценту, есть необходимость прибегнуть к предварительному сопоставлению контактирующих языковых систем. Подобное сопоставление направлено на выявление расхождений в составе фонем, и закономерностях их функционирования, а также различий в артикуляционной базе двух языков.

Регулярное совпадение системных противопоставлений в языках отражает универсальные черты, что обеспечивает возможность положительного переноса в процессе обучения. Несовпадение системных противопоставлений в двух языках проявляет типологические или специфические черты звукового строя языков. Системные расхождения родного и изучаемого языков – это и есть основа фонетической интерференции.

В связи с этим уместно вспомнить о действии двух тенденций при изучении фонетики иностранного языка, отмеченных А.А. Реформатским¹. В одном случае в иностранном акценте может иметь место нейтрализация существующих в изучаемом языке противопоставлений. Примером служит нейтрализация фонем <э> и <и> в речи иностранцев – носителей некоторых языков. В другом случае при обучении иностранному произношению выделяются и усиливаются нерелевантные, случайные признаки. Наличие типологических и специфических противопоставлений в родном языке обычно обуславливает действие второй тенденции, проявляющейся в иностранном акценте.

Другими словами, согласно Э. Хаугену, процесс восприятия неродного языка может происходить как недифференциация, недоразличение, когда тот или иной различительный признак чужого языка может быть принят за избыточный, или как сверхдифференциация, т. е. чрезмерное различение, когда избыточный признак чужого языка может быть принят за различительный².

Однако довольно часто складывается ситуация, когда системная опора на родной язык невозможна, в частности в условиях неоднородной в языковом отношении учебной группы, либо в том случае, когда преподаватель и обучающиеся явля-

¹ Реформатский А.А. Обучение произношению и фонология // Филологические науки. – 1959. – № 2. – С. 145–156.

² Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. – 1972. – Вып. 6. – С. 73.

ются представителями разных языковых культур. В этом случае либо обучение ведется полностью на иностранном языке, либо при помощи языка-посредника, который знаком обеим сторонам процесса. Именно в качестве такого языка-посредника очень часто выступает русский язык, который может оказать как трансферирующее, так и интерферирующее влияние на процесс формирования слухопроизносительных навыков в области иностранного языка.

Мультилингвальная или поликультурная образовательная среда предполагает сосуществование в процессе обучения различных родных языков обучающихся. Как отмечает Д.Г. Матвеева, «поликультурная среда как особый вид социума представляет собой многонациональное сообщество людей, имеющих отличную друг от друга ментальность, придерживающихся различных религиозных, политических, экономических и других взглядов, что необходимо учитывать в процессе обучения иностранным языкам»¹.

Довольно часто в подобной ситуации встречаются случаи двуязычия разных типов, что определяет особый характер учебного процесса при изучении иностранного языка. Отталкиваясь от высказывания А.А. Реформатского о том, что причина интерференции «не овладение чужим языком, а борьба со своим языком», возможно предположить, что в условиях полилингвизма это борьба с несколькими «своими» языками².

В условиях двуязычия возможно несколько вариантов контактирования двух языков, а при изучении иностранного языка языковые контакты начинают затрагивать большее количество языков, выступающих источником интерферирующего воздействия.

Вопрос о том, какой язык и в какой степени повлияет на процесс обучения, есть предмет серьезного системного анализа. Совершенно определенным является тот факт, что результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков – вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в меж-

¹ Матвеева Д.Г. Языковое образование в условиях поликультурной среды. // Вестник Бурятского университета. – 2012. – № 15. – С. 144.

² Реформатский А.А. Обучение произношению и фонология // Филологические науки. – 1959. – № 2. – С. 145–156.

культурной коммуникации. Особенно важным является положение, согласно которому процесс формирования вторичной языковой личности связан не только с овладением обучающимся вербальным кодом неродного языка и умением его использовать в общении, но и с формированием в его сознании картины мира, свойственной носителю этого языка как представителю определенного социума.

Обучение должно быть направлено на приобщение обучающихся к концептуальной системе чужого лингвосоциума. При этом важно, чтобы эти различия были понятны, а мотивы и установки личности, принадлежащей чужой общности, где действует иная система ценностей, – распознаваемы и интерпретируемы.

Для этого необходимо отталкиваться, используя термин Л.В. Щербы, от системы ценностей и неразрывно связанной с ней собственно языковой системы, изначально присущей изучающим иностранный язык. Вместе с тем Л.В. Щерба отмечал важную воспитательную роль изучения иностранных языков для познания родного: «без изучения иностранного языка не замечаются и не осознаются специфические особенности родного»¹.

При этом опора на родной язык понимается не как простое «присутствие» родного языка в аудитории, а как использование преподавателем его системы для предваряющего учебный процесс сопоставления с иностранным языком. Л.В. Щерба отмечал, что можно изгнать родной язык учащихся из учебников, но его нельзя изгнать из их голов. Он писал: «Мы должны признать раз и навсегда, что родной язык учащихся участвует в наших уроках иностранного языка, как бы мы ни хотели его изгнать. И поэтому мы должны из врага превратить его в друга»².

Однако понятие «родной язык» не всегда однозначно. Родным языком принято считать государственный язык той страны, гражданином которой считает себя обучающийся. Но языковая ситуация в мире очень сложная. Зачастую одни языки используются в нескольких региональных вариантах, другие – взаимодействуют с разговорными местными или с сильно различающимися между собой диалектами. Во всех этих слу-

¹ Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 313–318.

² Там же.

чаях языковой субстрат может быть разным, что необходимо иметь в виду при исследовании интерференции¹.

Приведенная выше цитата в полной мере отражает ситуацию, сложившуюся за долгие годы в Приднестровье. Системная опора на родной язык приобретает особые черты в регионах, характеризующихся поликультурностью и мультилингвальностью.

По данным переписи населения 2004 г., на территории Приднестровья проживает 31,9 % молдаван, 30,4 % русских, 28,8 % украинцев и около 9 % представителей других этносов. Как отмечает Е.А. Погорелая, «такой этнодемографический состав за долгие десятилетия и даже столетия почти не претерпел изменений, либо они были так незначительны, что не оказывали решающего воздействия на характер происходивших процессов исторической ассимиляции»².

О.В. Миловидова рассматривает поликультурную среду как «специфическое состояние современной жизни в цивилизованном мире»³. Подобная среда за долгие годы сложилась во многих государствах – бывших советских республиках. При этом достаточно часто складывается ситуация, при которой один из языков выполняет интегрирующую роль в полиэтнической образовательной среде; в нашей ситуации – это русский язык.

В приднестровском регионе русский язык по сравнению с другими официальными языками может считаться более распространенным. Это связано как с ситуацией в мире, так и с внутренней ситуацией. По словам Е.А. Погорелой, «несмотря на различную этническую самоидентификацию, культурные ориентации и предпочтения подавляющего большинства приднестровцев связаны с таким интернациональным контекстом социально-

¹ Логинова И.М. Лингводидактический аспект методики преподавания русского языка как иностранного и пути его изучения // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2009. – № 4. – Доступ.: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvodidakticheskiy-aspekt-metodiki-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-i-puti-ego-izucheniya>.

² Погорелая Е.А. Языковая ситуация и языковая политика: Русский язык в Приднестровье. – Доступ.: <http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-situatsiya-i-yazykovaya-politika-russkii-yazyk-v-pridnestrove#ixzz3UuEWlNl>

³ Миловидова О.В. Моделирование процесса коммуникативно-прагматического обучения русскому языку как иностранному в формате русско-финского сетевого диалога // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2006. – № 1. – С. 135–138.

го взаимодействия, который формирует потребность в русском языке и русской культуре; они выступают неотъемлемым компонентом их мироощущения и способа существования»¹.

Анализируя влияние родных языков обучающихся на процесс изучения иностранного языка, необходимо отметить, что этот процесс характеризуется рядом особенностей. Рассмотрим некоторые примеры влияния русского и родного языка на изучение иностранного.

При формировании грамматических навыков, в частности навыков использования артиклей, обучаемые, знающие русский и украинский языки, в независимости от того, какой из них родной, столкнутся с трудностью понимания данного факта иностранного языка. Поэтому они скорее всего будут их упускать (*she is doctor* вместо *she is a doctor*), что является отрицательным переносом фактов родного языка на иностранный.

В молдавском же языке существует разветвленная система артиклей (*ун бэят, о фатэ, кодрул чел верде*), она сложнее английской, поэтому позволяет с легкостью осваивать правила использования английских определенного и неопределенного артиклей. Молдавоязычные индивиды вполне способны определить, где и какой артикль необходим, потому что правила их постановки идентичны для обоих языков. Однако следует учитывать, что при русско-молдавском двуязычии русский язык является доминирующим, а его система – наиболее устойчивой, поэтому обучаемые, несмотря на уверенную речевую компетентность в знании категории определенности/неопределенности, вероятнее всего будут допускать ошибки.

В такой же ситуации может оказаться глагол *быть*. При украинско-русском и русско-украинском двуязычии будет наблюдаться интерференция при переводе этого глагола с одного языка на другой. Русскоязычные молилингвы и украинско-русские билингвы будут им пренебрегать, так как в русском и украинском языках, в отличие от английского и немецкого, глагол *быть* не используется в формах настоящего времени.

Например:

она учитель;

вона вчитель;

¹ Погорелая Е.А. Языковая ситуация и языковая политика: Русский язык в Приднестровье. – Доступ: <http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-situatsiya-i-yazykovaya-politika-russkii-yazyk-v-pridnestrove#ixzz3UuEWILnl>.

she is a teacher;
sieistLehrerin.

В молдавском языке глагол *быть* (*а фи (есте – 3 л. ед. ч.)*) действует так же, как и в английском и немецком: *ea este o ынвэцэ-тоаре*. Поэтому будет наблюдаться трансференция с молдавского на иностранный. Такой положительный перенос связан с тем, что молдавский язык относится к балкано-романской подгруппе романских языков, что предполагает наличие относительно простой грамматической системы. Причем эта система очень схожа с грамматической системой германских языков. Таким образом, принцип генеалогического родства языков выступает в данном случае как один из ведущих.

Лексический уровень, как известно, один из самых подвижных. Поэтому случаи интерференции и трансференции будут одинаково наблюдаться при всех видах двуязычия в приднестровском регионе. Семантическая интерференция возникает по причине того, что известные говорящему явления отражены в новом языке иначе, чем в уже известных языках. Например, словосочетание *попасти в цель* обучаемые, для которых украинский выступает в качестве Я1, переводят на немецкий как *ins Zieltreffen* вместо верного *ins Schwarzetreffen*. Билингвы, для которых русский Я1 родной, это же словосочетание переведут подобным образом.

Билингвы также могут испытывать трудности с переводом ряда грамматических форм и конструкций. Например, несовпадение управления глаголов двух языков будет выражено следующим образом: в немецком – *warten auf jemanden*, в украинском – *чекати когось*, в молдавском – *a aștepta pe cineva*, в русском – *ждать кого-либо*. Как видно из примеров, во всех этих языках предлоги и виды управления глаголов разные, поэтому очень часто допускаются ошибки при переводе данных конструкций. Предлоги либо опускаются вообще, либо используются неподходящие по смыслу в силу грамматической интерференции с родного языка.

На фонетическом уровне также можно наблюдать картину как трансформирующего, так и интерферирующего влияния. При изучении иностранного языка всегда существуют следующие группы звуков:

– наиболее схожие в обоих языках: русские звуки [в], [ф], например, идентичны английским [v], [f];

– которые отсутствуют в родном языке Я1: английских звуков [ð], [θ] нет в русском, молдавском или украинском;

– которые похожи, но не идентичны по произнесению: русский звук [x] похож на английский [h], но по артикуляционной характеристике отличается от него.

В молдавском, украинском и русском есть звуки, которые могут оказывать на произносительную систему иностранного языка положительное влияние, а на произносительную систему русского языка – отрицательное. Украинский звук [ɣ], в отличие от русского взрывного [ɣ], является фрикативным. Этот фрикативный звук по способу образования является аналогом английского и немецкого [h] (*heute, have*). Украинские [y̯] и [v] являются аллофонами одной и той же фонемы (кроме позиции перед гласной), которая идентична английскому звуку [w]. В русском же языке, так же как и в украинском, произнесение [y̯] вместо [v] будет неправильным, или будет считаться диалектным.

Трансферирующее влияние на иностранный (английский) язык может оказать молдавская фонетическая система, а именно наличие в ней дифтонгов (*шкоалэ, сэрбэтоаре, креатор*), а также аффрикаты [dʒ], которые, как известно, существуют и в системе фонем английского языка.

Если для человека, изучающего иностранный язык, молдавский является родным, то проблемой для него может стать отработка навыка произнесения гласных, подвергающихся качественной редукции, которой нет в молдавском языке как представителе романской группы языков. Отсутствие редукции гласных, оглушения согласных, большой вариативности в реализации фонем в данном случае будет оказывать скорее интерферирующее влияние, и наоборот, наличие редукции безударных гласных в русском языке способствует лучшему усвоению редукции английских гласных.

В условиях двуязычия в нашем регионе, как правило, один язык является родным и доминирующим (Я1), и его система оказывается более устойчивой в языковом сознании билингва. Остальные языки индивид будет изучать, так или иначе сравнивая их со своим родным и перенося определенные факты и явления родного языка на второй родной (Я2) и на иностранный (Яи).

Очень часто так бывает, что родным языком ребенка в Приднестровье становится русский (Я1), несмотря на то, что родным языком его родителей являются украинский или молдавский. Вот

почему особое внимание в контексте рассматриваемой темы было уделено описанию положительного и отрицательного переносов с русского, украинского и молдавского языков на иностранный.

В приднестровском регионе особенность изучения иностранных языков заключается в том, что влияние на данный процесс оказывают все официальные языки: каждый по-отдельности и все вместе в виде особого феномена – лингвокультурного социоэмерджента как результата длительного исторического процесса формирования полиэтничного мультиязычного сообщества республики.

Таким образом, актуальной задачей в области языкового образования в контексте указанного направления развития общества становится эффективная организация процесса обучения официальным (Я1 и Я2) и иностранному (Яи) языку, в том числе в целях академического и профессионального межкультурного общения.

Грамматические интерференцы в речи национально-русских билингвов и методические рекомендации по работе с ошибками, вызванными национально-русской языковой интерференцией

Анализируя влияние трех родных языков билингва (полилингва) на процесс изучения иностранного языка, необходимо отметить, что этот процесс характеризуется рядом особенностей.

В частности, обучение, как правило, ведется на иностранном языке, либо при помощи языка-посредника, который знаком и преподавателю, и обучающимся.

Особенности интерференции на грамматическом уровне при национально-русском билингвизме будут отмечены соотносимостью и противопоставленностью, прежде всего, морфологических категорий системы родного языка. Так, например, при формировании грамматических навыков, в частности навыков использования артиклей, обучаемые, знающие русский и украинский языки, в независимости от того, какой из них родной, столкнутся с трудностью понимания данного факта иностранного языка. Билингвы же с родным молдавским языком, напротив, легче воспримут данный факт языковой системы изучаемого западноевропейского языка, в связи с тем что в языковой системе молдавского языка также присутствуют формы выражения грамматического значения определенности/неопределенности в виде артиклей.

Ниже будут рассмотрены некоторые примеры влияния русского языка (Я2) и родного языка (Я1) на изучение иностранного языка (Яи).

§ 1. Грамматическая интерференция в речи украинско-русских билингвов Приднестровья

Грамматический уровень интерференции, по нашему мнению, обусловлен невольной интерпретацией грамматических категорий второго языка сквозь призму первого, связанной, прежде всего, с нарушением морфологических норм. Так, русские, изучающие украинский язык, относят украинские существительные мужского рода *біль, розпродаж, посуд, Сибір, ярмарок* (рус. *боль, распродажа, посуда, Сибирь, ярмарка*) к женскому роду в соответствии с нормой русского языка. Эта же закономерность прослеживается при образовании в украинском языке множественного числа некоторых существительных мужского рода в соответствии с нормой русского языка: *вчителя* (вместо *вчителі*), *друзя* (вместо *друзі*), *ректора* (вместо *ректори*).

Что касается изучения категории родовой принадлежности, безусловно, сложнее осознавать, что одинаковые по звучанию слова, означающие одни и те же понятия (в русском и украинском языках), не соотносимы по роду, чем запомнить новое слово с его иноязычной родовой принадлежностью и формально-грамматическими признаками другой языковой системы.

Несмотря на то, что в условиях русско-украинского двуязычия ошибки, связанные с нарушением морфологических норм украинского языка встречаются гораздо реже, чем на фонетическом уровне, они являются более стойкими и сложнее поддаются корректировке. К распространенным интерференционным ошибкам на морфологическом уровне, на наш взгляд, можно отнести также интерферемы в украинской речи билингвов, моделирующие части речи русского языка. Мы имеем в виду такие нарушения, как неверное образование действительных причастий (*запобігший, наступивший*), степеней сравнения прилагательных (*самий нижчий* вместо *найнижчий*), форм деепричастий (*малюя* вместо *малюючи*), падежных форм сложных числительных (*п'ятидесяти* вместо *п'ятдесяти*).

Известно, что словообразовательно-морфологический уровень – один из самых стойких языковых уровней с точки зрения отражения на нем результатов языковых контактов. Однако интерференционные процессы русского и украинского языков в этом направлении достаточно активны и последовательны. Главная причина интерференции на этом уровне – близость языковых систем (наличие общих грамматических категорий, а также способов выражения грамматического значения, несмотря на имеющиеся отличия в их функционировании).

Морфологические русизмы – это слова, которые имеют украинский корень, но образованы с помощью средств словообразования русского языка или имеют признаки чередований по типу русского языка. Такие единицы трудно выделить в потоке речи, как и ассимилированные лексические русизмы, поскольку в них происходит сращение средств словообразования двух языков. Исследование морфологических русизмов позволяет выделить отдельные подгруппы слов.

1. Приставочные, в которых использованы русские префиксы или на русский лад нет префикса вообще. Например: *Він об'ясняє тобі* (правильно: *пояснює*). *На небі вцей час появилися зірочки* (правильно: *з'явилися*). *Моя парта стоїть напротів дошки* (правильно: *навпроти*). *Вечером стало холодно* (правильно: *увечері, ввечері*). *На перерві ми любимо ігратися* (правильно: *гратися*).

2. Суффиксальные – с аналогичным употреблением или неупотреблением суффиксов. В некоторых случаях исследуемые слова содержат признаки двух названных групп. Например, русский суффикс или префикс или чередование в суффиксе: *Коли ми будемо лінитися, то ніхто з нас не зможе бути гарним студентом* (правильно: *лінуватися*). *З-під куща виглядував зайчик* (правильно: *виглядав*). *Яка у лісі була красаота!* (правильно: *краса*). *Мій братик ходить в садік* (правильно: *садок, садочок*). *Ззаді школи є спортивний майданчик* (правильно: *ззаду, позаду*). *Трохи дальше, за полем, видніється річка* (правильно: *далі*). *У моєї сестрички є різні ігрушки* (правильно: *іграшки*)¹.

3. Морфологические русизмы с русским типом чередований. Например: *Бабусина коровка любить пастись* (правильно:

¹ Лозан Т.А. Проблема інтерференції в умовах українсько-російської двомовності // Вестник Приднестровского государственного университета. – Сер.: Гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (55). – С. 8–11.

но: *корівка*). *Ми катались на ковзанкі* (правильно: *ковзанці*). *На річці стояв товстий прозорий льод* (правильно: *на річці, лід*). *Ми довго чекали на зупинкі* (правильно: *зупинці*). *По дорозі їхало багато машин* (правильно: *дорозі*). Морфологические ошибки обусловлены употреблением русизмов, имеющих украинский корень и русские префиксы или суффиксы.

Характерной чертой интерференционных процессов на морфологическом уровне является упрощение вариативности, присущей украинскому языку. Из нескольких вариантов, возможных в литературном языке, выбирается только один, который в большинстве случаев совпадает с русским аналогом. Выбор варианта нередко подкрепляется наличием подобных форм в украинских диалектах. Анализ падежных форм продемонстрировал, что система имени существительного довольно устойчива к влиянию со стороны русского языка в речи официальных лиц, тогда как в речи остальных информантов интерферентные явления проявляются с большей интенсивностью. Обобщая результаты исследования устной и письменной формы интерферирующей речи, мы выделили несколько тенденций в сфере интерференционных процессов в украинской падежной системе существительных.

1. Утрата специфических украинских форм, например флексии в 3в. п. ед. ч. всех родов (*подожди, Ленка*, ср. укр. *зачекай, Оленко*), окончания *-ові* в Д. п. ед. ч. м. р. (*чоловіку це потрібно*, ср. укр. *чоловікові це потрібно*).

2. Появление вариантов флексий, обусловленных различиями в фонетических системах украинского и русского языков, а именно: в форме Им. п. мн. ч. м. и ж. р. (*жінки, дєньгі*, ср. укр. *жінки*), в Тв. п. мн. ч. всех родов (*за родичами*, ср. укр. *за родичами*).

3. Замещение украинских окончаний флексиями из русской падежной системы: П. п. ед. ч. всех родов (*на маршрутє*, ср. укр. *на маршрути*), Им. п. мн. ч. м. р. (*учителя*, ср. укр. *учителі*), Р. п. мн. ч. м. р. (*під час виборів*, ср. укр. *під час виборів*).

В речи билингов большая часть прилагательных вне зависимости от их происхождения оформляется по правилам украинского литературного языка. Использование русских флексий носит единичный характер и поддерживается либо особенностями разговорной формы общения, либо некоторыми диалектами.

Тем не менее, в сфере неформального общения можно выделить формы, наиболее подверженные влиянию русского языка:

- прилагательные в форме Р. п. ед. ч. ж. р. (*з міської ради, з нашої сторони*, ср. укр. *з міської ради, з нашої сторони*);
- прилагательные в форме П. п. ед. ч. м. и ж. р. (*в сільській раді, у першом класі*, ср. укр. *ср. укр. у сільській раді, у першому класі*).

Отклонения от литературных норм украинского языка часто наблюдаются при образовании форм компаратива прилагательных и наречий. Если в образовании сравнительной степени этих частей речи не было зафиксировано словоформ с присущими русскому языку суффиксами, то модель образования превосходной степени в значительной мере подверглась влиянию аналогичных русскоязычных форм. Это выражается в регулярном использовании русскоязычных конструкций с местоимением *самый* и свидетельствует о тенденции к аналитизму: *тур самий чесний*, ср. укр. *найчесніший*. Другая особенность, заимствованная из русского языка, проявляется в более частом использовании неизменяемой формы компаратива: *трошки вище став рівень*, ср. укр. *трошки вищим став рівень*, рус. *уровень стал немного выше*.

Об интенсивности интерференционного процесса в этой области свидетельствует наличие в речи так называемых гибридных форм, объединяющих в себе особенности образования компаратива в украинском и русском языках: *самі вищі (самі вищі президентські амбіції*, ср. укр. *найвищий* и рус. *самый высокий*), что соотносимо с общей тенденцией к смешению аналитических и синтетических форм (при наличии обоих способов словообразования) в разговорной речи и в русском языке: *самый наилучший, более красивее*.

Процесс интерференции на морфологическом уровне менее всего заметен в таких частях речи, как числительное и местоимение.

Влияние русского языка в рассматриваемой области морфологии в речи разных информантов проявляется с различной степенью интенсивности. Речь одного информанта может изобиловать русскими формами местоимений и числительных, тогда как для речи другого характерно последовательное соблюдение норм украинской грамматики. Влияние русского языка проявляется в более частом использовании русских личных местоиме-

ний 3-го лица (*оно, она, они*) и определительного местоимения ср. р. *всё* (в украинской графике *всьо*).

При употреблении числительного могут возникнуть трудности даже у носителя украинского литературного языка. Поэтому неудивительно, что ошибки в использовании конкретных форм числительных допускают все наши информанты (официальная и неофициальная речь). К тому же, чем сложнее числительное, тем больше вероятность контаминации в рамках одной словоформы: *більше восьмидесяти процентів*, ср. укр. *більше вісімдесяти процентів*.

При склонении числительных от 50 до 90 отклонения от нормы наблюдаются очень часто. Это связано с тем, что говорящие по аналогии с русским языком склоняют обе части сложного числительного, тогда как в соответствии с нормой украинского языка должна изменяться только вторая часть.

Несоответствия литературным нормам в системе украинского глагола могут быть объяснены не только влиянием русского языка, но и особенностями украиноязычного узуса.

Подобные тенденции свидетельствуют о большем языковом аналитизме, характерном для интерферированной речи. В глагольных формах интерферированной речи прослеживается явное влияние украинских диалектов. Однако в речь проникают только те диалектные черты, которые характерны и для русского литературного языка. Например:

- инфинитивное окончание *-ть*: *шоб тільки не працювати*, ср. укр. *працювати*;

- параллельное использование окончаний *-ет/-ит* и *-є/-е* в 3 л. ед. ч. настоящего времени: *може/может*, ср. укр. *може*; *ходе*, ср. укр. *ходить*; *обіжає*, ср. укр. *ображає*;

- параллельное функционирование флексий *-имо/-емо* и *-им/-ем* в 1 л. мн. ч. настоящего времени: *поїдем*, ср. укр. *поїдемо*; *споживаєм*, ср. укр. *споживаємо*; *ходимо*, ср. рус. *ходим*; *робимо*, ср. рус. *делаем*.

В связи с близостью украинского и русского языков большинство *синтаксических конструкций* (глагольного, предложного и именного управления) являются общими для обоих языков. Однако в украинском языке существуют специфические синтаксические конструкции, отличающие его от русского языка. Именно в них и наблюдается наиболее интенсивный процесс интерференции, который чаще всего находит свое выраже-

ние в неправильном с точки зрения украинской нормы употреблении предлога или управлении.

Таким образом, все отклонения от литературных норм украинского языка мы рассматривали в рамках беспредложных и предложно-падежных конструкций.

В беспредложных конструкциях процесс интерференции активнее всего обнаруживает себя в сочетаниях числительных *два, три, четыре* с существительными, например: *три нових осередка, два дні тому* (ср. укр. *три осередки, два дні тому*), где после числительных имя существительное стоит в форме Им. п. мн. ч.

В сравнительных конструкциях также наблюдаются отклонения (эта черта характерна только для устных источников интерферированной речи).

Так, в соответствии с нормой украинского языка в состав компаратива обязательно должны входить предлоги *від, за* или союз *ніж* (например, фраза *сестра молодше брата* согласно норме украинского языка должна звучать следующим образом: *сестра молодша за/від брата* или *сестра молодша ніж брат*). Однако анализ речи информантов показал, что эта норма нередко нарушается, о чем свидетельствуют следующие формы: *більш мого* (ср. рус. *больше моего*, укр. *більший від/за мого, більший, ніж мій*); *молодше всіх* (ср. рус. *младше всех*, укр. *молодший за/від всіх, молодший ніж всі*).

Другой отличительной чертой, отраженной в письменном варианте интерферированной речи, является регулярное использование причастий и причастных оборотов, которые характерны для русского языка, но малоупотребительны в украинском. В украинском языке свойственную причастию или причастному обороту значение выражается, как правило, с помощью придаточных определительных предложений¹.

Например: *польує тайну неразглашенності проісходячого, доведшого себе до такої степені полювання, теорій, позволяющих описувати світ* – в литературном украинском языке согласно требованию нормы эти обороты были бы заменены сложноподчиненным предложением с союзными словами *який/яка/яке/що*.

¹ Терлак З., Сербенська О. Украинский язык для начинающих. – Львов, 1999. – С. 153.

Наиболее подверженными влиянию русского языка оказываются конструкции с предлогами. Случаи употребления предлога в соответствии с нормой русского языка встречаются в речи с различной частотностью, говорящий может по-разному употребить одну и ту же конструкцию и в соответствии с нормами украинского языка, и согласно норме русского языка, параллельно могут также употребляться эквиваленты предлогов.

Набор предлогов в украинском и русском языках в основном совпадает, но, несмотря на формальное сходство, в сочетаемости некоторых из этих предлогов наблюдаются существенные отличия. Так, наибольшие трудности возникают при употреблении предлога *по*. По сравнению с аналогичным русским предлогом украинский предлог *по* имеет более узкую область употребления, однако в наших источниках область его использования значительно расширяется, например: *Євро-2018 по футболу* (укр. з футболу – Р. п.), *по графіку* (укр. за графіком – Т. п.), *по вигляду* (укр. на – В. п.).

Для выражения различных оттенков значений в украинском языке используется намного больший перечень предлогов, и это касается не только предлога *по*. Более наглядно различия в употреблении украинских и русских предлогов представлены в табл. 1¹.

Грамматическая интерференция возникает тогда, когда правила, обязательные с точки зрения грамматики русского языка не срабатывают из-за их отсутствия в грамматике украинского.

Анализируя языковые единицы, мы выделили среди них несколько групп.

1. Несуществующие в украинском литературном языке формы слов (имеющие русское окончание): *Мій тато такий сильний, що його ніхто не переможить* (правильно: *переможе*). *Треба бути охайной* (правильно: *охайною*). *Ми приїдем завтра* (правильно: *приїдемо*).

Общеупотребительной в письменных работах и устных формах оказалась форма 3-го лица ед. ч. II спряжения глаголов настоящего времени по выделенным основой и окончанием, т. е. конечного [т']: *ходе, несе, говоре, баче*, вместо литературного: *ходить, носить, говорить, бачить*.

¹ Курохтина Т.Н. Об интерференции близкородственных языков // Русский язык за рубежом., 2008. – № 1 (206). – С. 53–57.

Таблиця 1

Український язык		Матеріал	
Предлог + падеж	Примеры	Предлог + падеж	Примеры
за + Тв. п.	– За канадською програмою – Робила це за проектом – Працюють за спеціальністю – За принципом	по + Д. п.	– По канадській програмі – Робила це по проекту – Працюють по спеціальності – По принципу
з + Р. п.	– Як ми вчили з історії – Організацій з прав підприємництва – З тієї чи іншої причини		– Як ми вчили по історії – Організація по правам підприємства – По тій чи іншій причині
згідно з/у зв'язку з + Тв. п.	– Згідно з постановою – На зібраних у зв'язку зі справою доказ		– По постанові – На зібраних по справі доказах
на + В. п.	– На вигляд – На замовлення		– По вигляду – По замовленню
по + П. п.	– По освітніх закладах		– По освітніх закладам
за + В. п.	– Ставити за провину	в/у + В. п.	– Ставити у вину
на + В. п.	– На доказ любові – На догоду амбіціям – Раз на місяць		– В доказ любові – В угоду амбіціям – Раз у місяць
під час + Р. п.	– Під час виборів – Під час підготовки	при/у + П. п.	– У час виборів – При підготовці

2. Нарушение формы II склонения у существительных м. р.: *першого курсу* (правильно: *першого курсу*); *економічного факультета* (правильно: *економічного факультету*); *написання реферата* (правильно: *написання реферату*).

3. Нарушение синтаксической связи (чаще управления) – употребление существительного, местоимения, прилагательного в неправильной форме числа, рода или падежа: *Моє постійне доручення – ухажувати за квітами* (правильно: *доглядати квіти*). *Вони лазили по деревам* (правильно: *деревах*). *Дош ішов кожен день* (правильно: *кожного дня, щодня*). *Ідуть три хлопця* (правильно: *хлопці*). Немало ошибок в употреблении рода существительных: *одна літра, гарна мебель, гарна тюль, багато пилі, моя біль, керамічна посуда*.

4. Неправильное употребление предлогов: *Це треба робити хоч декілька разів у день* (правильно: *на день*). *По атестації з української мови я отримав четвірку* (правильно: *з атестації*). *Іду в музичну школу* (правильно: *до музичної школи*). *Ми приходимо у 8 годин* (правильно: *о восьмій годині*).

5. Неправильные формы обращений. Для выражения обращения в украинском языке есть специальная форма – звательный падеж. В реальной речи правильной литературной формы обращения почти не встретишь:

– *Настя, іди сюди!* (правильно: *Насте*);
– *Добрий день, Тетяна Андріївна!* (правильно: *Тетяно Андріївно*).

6. Ошибки в формах числительных: *Біля п'ятидесяти студентів було на майданчику* (правильно: *п'ятдесяти*).

7. Ошибки при образовании степеней сравнения прилагательных: *це саме цінне, саме головне, що є в людині* (правильно: *найцінніше, найголовніше*). *Саме найбільше їм сподобався літературний конкурс* (правильно: *найбільше*).

Итак, грамматическая интерференция возникает, прежде всего, вследствие употребления несуществующих в украинском языке форм слов с русскими окончаниями, нарушения синтаксической связи, неправильного использования форм обращения.

Таким образом, украинско-русский билингвизм, который определяет языковую ситуацию в Приднестровье в настоящее время, обнаруживает признаки диглоссии, поскольку русскому языку предоставляется более высокий статус, а украинский остается языком этнического распространения и уступает рус-

скому по показателям коммуникативной силы, которая определяет полноту сфер использования языков.

В условиях украинско-русского двуязычия многим билингвам так и не удалось овладеть в полной мере литературными формами обоих языков и, соответственно, избежать в своей речи ошибок, о которых свидетельствует процесс интерференции на всех языковых уровнях, особенно на грамматическом.

Вопрос межъязыковых отношений еще научно не проанализирован в той степени, в какой этого требует современное состояние лингвистической науки. Вследствие активных межъязыковых контактов возникают новые языковые явления, приводящие к языковым видоизменениям. Большая сила интерференции может действовать при этом, создавая явления нового языкового качества.

§ 2. Грамматическая интерференция в речи молдавско-русских билингвов Приднестровья

Как утверждают авторы «Сопоставительной грамматики молдавского и русского языков»¹, более выраженный анализ системы русского языка по сравнению с молдавским требует особого внимания со стороны преподавателя. Эта деятельность должна быть связана с отработкой программного материала по отдельным частям речи. Следует учесть, что сопоставление русских синтетических форм с молдавскими сочетаниями затрагивает часто две части речи одновременно. Помимо того, такая работа не всегда остается в рамках морфологии, так как аналитические сочетания отчасти явление синтаксического характера. Как известно, в языке различаются синтетические сочетания, отличающиеся тем, что в них лексические и грамматические значения выражены в одном слове, и аналитические, характеризующиеся тем, что в них лексическое значение выражено в одном слове, а грамматическое – полностью или частично – в другом.

¹ Сопоставительная грамматика русского и молдавского языков: Учебно-методическое пособие / Сост. А.И. Ватаманюк, О.В. Литвин, В.А. Романенко. – Тирасполь, 2016. – 136 с.

Например:

Рисую карандашом.

Каждое из этих слов представляет собой синтетическое образование;

Буду ждать в депо. Буду ждать.

Это аналитическое сочетание, в котором лексическое значение определенного действия выражено в слове *ждать*, а грамматические значения 1-го лица единственного числа и будущего времени изъявительного наклонения выражены в слове *буду*. *В депо*. Это аналитическое образование, в котором лексическое значение «*железнодорожные мастерские*» выражено в слове *депо*, а значение места, аналогичное грамматическому значению предложного падежа, выражено с помощью предлога¹.

Правильному составлению предложений со словосочетаниями синтетического типа, соответствующих аналитическим сочетаниям молдавского языка, может способствовать табл. 2.

Таблица 2

В молдавском языке	В русском языке
Существительное с предлогом: ун пахар ку апэ, фарфурие де супэ, каля де луптэ, друм де царэ адреса-й скрисэ де елеев, а скрие ку пеница, а штерже ку кырпа	Падежная форма существительного: стакан воды, тарелка супа, путь борьбы, сельская дорога, адрес написан учеником, писать пером, вытирать тряпкой
Существительное с предлогом: шединца де диминяцэ, пасэре де пэдуре, дулчацэ де мере	Относительное прилагательное: утреннее заседание, лесная птица, яблочное варенье

В русском языке артикли молдавского языка остаются без перевода, и возможность перенесения их в русскую речь студентов исключена. Однако требуют внимания случаи, когда значение артиклей можно выразить по-русски лексическими или синтаксическими средствами. Перевод с молдавского на русский может в таких случаях принести свою пользу, исправить следы грамматической интерференции.

Особенно важны для преподавателя следующие разделы:

1) род существительных;

¹ Сопоставительная грамматика русского и молдавского языков: Учебно-методическое пособие / Сост. А.И. Ватаманюк, О.В. Литвин, В.А. Романенко. – Тирасполь, 2016. – 136 с.

- 2) склонение существительных и употребление падежей;
- 3) ударение в склонении существительных.

Именно по этим вопросам программного материала преподаватель наблюдает грамматическую интерференцию и сталкивается с наибольшими трудностями. Род существительных русского языка студенты должны хорошо знать для правильного согласования с ними слов других частей речи. Никаких трудностей не представляет род существительных, если он определяется у одушевленных существительных по половой принадлежности. Там, где он определяется по окончанию, легче всего дается усвоение правил о роде существительных на твердый согласный, -й, на ударное -а (-я), на ударное -о (-ё) и на -мя (*пол, бой* – м. р., *стена, земля* – ж. р., *село, питье, знамя* – ср. р.).

Иначе обстоит дело с родом существительных на безударное -а (-я), -о или -е и на мягкий согласный (*сила, буря, дело, море, картофель, соль*). При разборе, если существительное дано в начальной форме, студент видит написанное, он зрительно различает конечный гласный и, как правило, не ошибается в определении рода (*сила* – ж. р., *дело* – ср. р., *буря* – ж. р., *море* – ср. р.).

В своей же речи – письменной или устной – молдавскоязычный билингв, слабо знающий русский язык (Я2), проявляет тенденцию отнести все указанные существительные к женскому роду – по аналогии с многочисленными существительными на безударный гласный -э или -е в молдавском языке (типа *касэ, масэ, мынэ, карте, луме*), а иногда, быть может, под влиянием рода соответствующих существительных в молдавском языке (*большая море, наша дело*). Остерегаясь подобной ошибки, молдавскоязычный билингв иногда относит существительное на безударную -а (-я) к среднему роду (*в свое норке*).

Все же такого рода интерферируемые ошибки – редкое явление; основного внимания требует род существительных на безударный -о или -е. Тем более важно научиться определять род существительных с конечным мягким согласным, которые в русском языке могут быть и мужского и женского рода.

Учебный материал по определению рода существительных должен соответствовать принципу «от простого к более сложному» и представляется в следующем порядке:

- 1) сведения о роде названий лиц мужского и женского рода в обоих языках (с согласующимися словами);

2) сведения о роде существительных, определяемом по окончании;

3) упражнения на определение рода существительных с конечным твердым согласным, с конечным ударным гласным -а (-я), с конечным ударным гласным -о (-е), на безударное -а (-я) и др.

В молдавской среде (в нерусской вообще) нельзя считать пригодным способ сочетания со словами типа *мой, моя, мое* (или с другими согласующимися словами) для определения рода существительных, поскольку, если студент ошибочно считает, что, например, *море* женского рода, он может сочетать это существительное со словом *моя* или *большая* (*моя море, большая море, сердце моя, дом моя, язык моя* и др.)

Ошибки при интерференции, связанные со склонением существительных, в большей мере, чем любые другие, искажают устную и письменную русскую речь молдавско-русских билингвов.

Преподавателю следует различать интерферируемые ошибки в падежной форме и ошибки в употреблении падежа. Молдавско-русские билингвы, при достаточных усилиях со стороны преподавателя, усваивают парадигмы склонения, приобретают навык склонять существительное, правильно ставить существительное в определенную падежную форму, указывать падеж существительного. Другое дело – употребление в собственной речи подходящего падежа. Студент может, например, правильно склонять существительное *школа* и знать, что форма винительного падежа – *школу*, а форма предложного – *школе*; он может при разборе безошибочно указать падеж и той и другой формы. И при всем этом он может говорить (и писать) «*Я иду в школе*».

Это не орфографическая и даже не морфологическая интерферируемая ошибка, а синтаксическая: неправильное сочетание глагола *идти* с формой предложного падежа, а не с формой винительного.

Именно от таких синтаксических ошибок страдает речь молдавско-русских билингвов, от ошибок в управлении косвенными падежами. Конечно, при изучении программного материала по морфологии основной целью является усвоение парадигм склонения.

Из упражнений важны такие, которые подводят обучающихся к необходимости самим решать вопрос о подходящем падеже и его форме.

Например:

Спишите текст. Поставьте слова в скобках в правильную падежную форму.

1. Кондуктор заявил, что в (вагон) больше нет (место).

2. На (окраина) (село) жила дочь (учитель).

Хорошо также закрепить в памяти сочетание с каждым падежом наиболее употребительных управляющих слов, например:

– родительным падежом без предлога: *желать счастья людям, решили несколько задач, стыдиться людей, напиться воды, бояться волков;*

– с дательным падежом без предлога: *верить другу, не вредить посевам, не завидовать соседу, кланяться знакомому;*

– с творительным падежом без предлога: *рубить топором, пахать трактором, писать чернилами, качать головой, махать рукой;*

– с родительным падежом и предлогом *из*: *выехать из города, вынуть из кармана, узнать из разговора.*

– с родительным падежом и предлогом *у*: *ждать у дома, спрашивать у сестры, взять у соседа.*

В области имен прилагательных особо важно обратить внимание на:

1) употребление в роли сказуемого кратких форм русских прилагательных;

2) выражение значения отдельных типов аналитических сочетаний молдавского языка (без прилагательного) относительно и притяжательными прилагательными в русском языке;

3) усвоение падежных форм прилагательных и правильного их согласования с существительными;

4) степени сравнения русских прилагательных;

5) ударение в кратких формах прилагательных и формах степеней сравнения.

Следовательно, необходимо предлагать студентам упражнения:

1) на сопоставление сочетаний типа «*Это интересная книга – Книга эта интересна*»; «*Мы любим великий и могучий русский язык – Русский язык велик и могуч*» и т. п.;

2) на перевод с молдавского языка предложений со словосочетаниями типа *семэнакул де примэварэ* (весенний сев), *о грэдинэ депомь* (плодовый сад), *касэ дин пятрэ* (каменный дом), *черкул де кор* (хоровой кружок), *тимпул де тоамнэ* (осенняя

погода), *ярна ку зэпадэ* (снежная зима), *о зи де варэ* (летний день), *кынтекул де диминяцэ* (утренняя песня) и т. п.;

3) на сочетание существительных с прилагательными, данными в начальной форме (например: *В (светлая) комнате стояли (дубовый) столики, покрытые (белоснежная) скатертями*);

4) на образование форм сравнительной и превосходной степени (например: *(Сильный) кошки зверя нет*. Особенно важны примеры с чередованием согласных в форме сравнительной степени (*проще, дешевле, реже* и т. п.);

5) на указание ударения в формах рядов типа *верен – верна – верно – верны; холоден – холодна – холодно – холодны* и т. п.

Пользу могут принести табл. 3 и 4¹.

Таблица 3

**Чередование согласных при образовании
сравнительной степени прилагательных в русском языке**

Чередование согласных	Прилагательные	Формы сравнительной степени
г : ж	строгий	строже
д (к) : ж	худой	хуже
к : ч	резкий	резче
з (к) : ж	низкий	ниже
с (ок) : ш	высокий	выше
ст – щ	густой	гуще
ск – щ	плоский	площе

Таблица 4

**Ударение в форме женского рода кратких прилагательных
и в формах степеней сравнения**

Форма женского рода кратких прилагательных	Форма сравнительной степени	Форма превосходной степени
на окончании	на предпоследнем слоге	на суффиксе <i>-айш</i> или <i>-ейш</i>
близка густа крепка легка	ближе гуще крепче легче	ближайший густейший крепчайший легчайший

¹ Сопоставительная грамматика русского и молдавского языков: Учебно-методическое пособие / Сост. А.И. Ватаманюк, О.В. Литвин, В.А. Романенко. – Тирасполь, 2016. – 136 с.

Преподавателю русского языка при подаче материала в области числительных важно уделять внимание следующим аспектам:

1) образованию и правописанию сложных количественных числительных;

2) склонению количественных числительных (вместе с существительными), в особенности склонению числительных *два* (*две*), *три*, *четыре*;

3) склонению порядкового числительного *третий* (*третья*, *третье*) в отличие от других порядковых числительных русского языка;

4) образованию дробных числительных.

Работа над числительными существенно облегчается благодаря возможности применения цифровых обозначений. Замена таких обозначений словами – основной тип упражнений на усвоение склонения количественных числительных.

При склонении количественных числительных вместе с существительными важно обратить особое внимание на правильное употребление падежа существительного при числительном в форме именительного падежа, а также винительного падежа, если существительное – название неодушевленного предмета.

Что касается склонения порядковых числительных, то вначале необходимо дать образцы их склонения вместе с прилагательными и существительными (только в единственном числе): *второй молодой работник; четвертый каменный дом; пятая письменная работа; шестое открытое письмо; третий лисий след; третья лисья нора; третье овечье стадо*.

Таким образом закрепляется в сознании факт полного сходства склонения порядковых числительных со склонением прилагательных с тем же окончанием.

Для молдавской аудитории особенно важны упражнения на правильное обозначение возраста и дат порядковыми числительными, соответствующими количественным числительным в молдавском языке. Нужно также давать упражнения на употребление собирательных числительных при существительных, употребляемых только во множественном числе (*pluralia tantum*), типа *трое суток, двое ножниц*.

Особенности русских местоимений затрудняют усвоение их форм и употребление этих форм молдавско-русскими билингвами. Это, прежде всего, употребление лично-возвратного местоимения *себя* и притяжательно-возвратного *свой*.

Кроме того, трудно усваивается различие в употреблении притяжательно-личных местоимений *его, ее, их* и притяжательно-возвратного местоимения *свой* в отношении к третьему лицу. (Ср.: *Он нашел его тетрадь* и *Он нашел свою тетрадь*).

Усвоение таких местоимений желательно начинать с устных упражнений в форме простой беседы, включающей местоимения *себя и свой*. Например:

– Чебан, возьми свою тетрадь и садись на свое место...

– Что ты сделал?

– Я взял свою тетрадь и сел на свое место.

– Попроси у Чебана книги.

Сырбу (Чебану): – Дай мне свою книгу и т. п.

После таких упражнений можно давать перевод подобных предложений с молдавского языка на русский.

Например:

(Перевести на русский язык.)

Еу л-ам ынтылнит пе ынвэцэторул меу лынгэ шкоала ноастрэ. (Я встретил своего учителя близ нашей школы).

Ту л-ай вэзут пе приетенул тэу лынгэ чинематограф. (Ты видел своего друга у кинотеатра).

Ел л-а ынтребат пе ынвэцэторул сэу. (Он спросил у своего учителя).

Ной л-ам ынтылнит пе ынвэцэторул ностру лынгэ шкоала ноастрэ. (Мы встретили своего учителя близ нашей школы).

Вой л-ацэ вэзут пе приетенул востру лынгэ чинематограф. (Вы видели своего друга у кинотеатра).

Ей л-ау ынтребат пе ынвэцэторул лор. (Они спросили своего учителя)¹.

Для усвоения различия между притяжательными местоимениями *его, её, их, свой* следует также начинать с устной беседы.

Например:

– Сырбу, бери книгу Чебана. (Сырбу берет)

– Сырбу, чью книгу ты взял?

– Я взял его книгу (указывая на Чебана).

– Теперь, Сырбу, бери собственную книгу. (Сырбу берет)

– Чебан, чью книгу взял Сырбу?

– Он взял свою книгу.

¹ Сопоставительная грамматика русского и молдавского языков: Учебно-методическое пособие / Сост. А.И. Ватаманюк, О.В. Литвин, В.А. Романенко. – Тирасполь, 2016. – 136 с.

Относительно употребления местоимений *себя, свой* вместо личных и лично-притяжательных можно предложить весьма простое правило: в русском языке указание на грамматическое лицо обычно не повторяется. При необходимости повторно указать лицо употребляется возвратное местоимение (лично-возвратное *себя* или притяжательно-возвратное *свой*).

Например:

Я пригласил своего друга к себе вместо *Я пригласил моего друга ко мне*.

В молдавском языке указание на грамматическое лицо обычно повторяется:

Еу л-ам пофтит пе приетенул меу ла мене.

Ту л-ай кемат пе приетенул тэу ла тине.

Ел л-а инвитат пе приетенул луй ла дынсул.

Ной л-ам пофтит пе приетенул ностру ла ной.

Вой л-ацэ кемат пе приетенул востру ла вой.

Ей л-ау инвитат пе приетенул лор ла ей.

Внимания требует также склонение личных и возвратных местоимений, резко отличное от склонения существительных и прилагательных.

Важен и «беглый» гласный в склонении местоимения *я* (*мною, мне, меня*). Необходимо обращать внимание обучающихся на значительное сходство склонения местоимений со склонением прилагательных (*который, самый* – как *добрый; он, его, наш, нашего* – как *синий, синего*). При этом следует указать и на различия: *синие* – *наши, свои; добрые* – *те* и т. д. В табл. 5 указаны некоторые лексические соответствия между местоимениями различных разрядов в обоих языках.

Особо следует рассмотреть случай с предлогом при отрицательных местоимениях *никто, ничто* (*ни у кого, ни с чем* и т. п.). Следует давать упражнения с заданием поставить определитель-

Таблица 5

Пример лексических соответствий местоимений
в русском и молдавском языках

Разряд	В молдавском языке	В русском языке
Указательные	ачеста; ачест ом аиста; аист ом ачела; ачел ом	этот; этот человек этот; этот человек тот; тот человек
Вопросительные	чине? че? каре? и т. д.	кто? что? который?

ное местоимение *сам (сама, само)* в различных падежных формах с указанием ударения.

Например:

Я был у (сам) директора.

Я пойду к (сам) директору. Я говорил с (сама) учительницей и т. п.

По теме «Глагол» преподавателю во избежание грамматической интерференции следует особенно настойчиво добиваться достижения следующих целей:

1. Усвоение молдавско-русскими билингвами значений видовых форм русского глагола.

2. Усвоение соотношения между глаголами, образующими одну видовую пару, и правильное употребление каждого члена такой пары в устной или письменной речи.

3. Обучение правильному образованию членов видовой пары.

4. Образование форм будущего времени в зависимости от вида глагола.

5. Правильное употребление глаголов с постфиксом *-ся* в различных формах лица и числа.

6. Спряжение глаголов, в особенности наиболее употребительных глаголов непродуктивных классов (*нести, беречь, мерзнуть, давать, дать, есть (кушать), жать (жму), жать (жну), плыть, грести* и др.).

Важна также словарная работа, связанная с образованием приставочных глаголов от бесприставочных, не парных к ним в видовом отношении (например, от глагола *лить* – глаголов *влисть, вылить, долить, залить* и т. д.).

Большое значение имеет в данном случае последовательность в работе. Ознакомление с термином «глагол» не столь существенно, если уже проработан соответствующий программный материал. Достаточно тогда ограничиться переводом термина «вербул» на русский язык и упражнением на выделение глаголов из текста. Но в таком упражнении обучающиеся, правильно выделяя глаголы, вряд ли осмыслят значение вида. Об этом значении в молдавском языке говорят лишь формы имперфекта и сложного перфекта (да и то не всегда точно). Вот почему после первого же ознакомления с термином «глагол» следует приступить к работе на определение вида русского глагола.

Особое внимание необходимо обратить на глаголы, отличающиеся один от другого только видовым значением, т. е. обра-

зующие видовую пару, типа *писать – списывать*. В подобных парах особенно четко выступают их лексическая однозначность и видовое различие. В данном случае легче осознается значение каждого вида при сопоставлении (в контексте) одного члена такой пары с другим.

Важно показать, что основное значение глагола совершенного вида – это охват действия полностью, от начала до конца, а основные значения соответствующего глагола несовершенного вида – это, во-первых, повторение действия и, во-вторых, процесс его совершения (между началом и концом).

Например:

Я вчера списал одно стихотворение. (Т. е. начал и закончил.)

Я сегодня также списал одно стихотворение. (Т. е. начал и закончил.)

Я и завтра спишу одно стихотворение. (Т. е. начну и закончу.)

Каждый день я списываю одно стихотворение. В прошлом месяце я также списывал каждый день одно стихотворение.

В следующем месяце я буду списывать по два стихотворения в день.

Я теперь занят; я списываю стихотворение.

Я сидел за столом и списывал одно стихотворение; в это время меня позвала мама.

После того, как осмыслены значения обоих видов, следует показать, как от глагола совершенного вида образуется соответствующий глагол несовершенного вида (см. табл. 6).

После закрепления этих способов образования можно обратиться к примерам с чередованием, а также со смещением ударения (*заметить – замечать, спросить – спрашивать, выловить – вылавливать, вырезать – вырезать* и т. п.).

Только после этого следует перейти к случаям, когда от глаголов несовершенного вида образуются соответствующие глаголы совершенного вида при помощи приставок (*писать – написать, варить – сварить, готовить – приготовить, будить – разбудить, делать – сделать* и т. п.).

При этом не следует смешивать образование видов с внутриглагольным словообразованием: *плакать – заплакать*. Особого внимания заслуживают глаголы движения типа *ходить – идти, носить – нести, возить – везти, водить – вести* и др. Надо показать на примерах, что первый глагол в каждой из этих

Образование глаголов несовершенного вида
от глаголов совершенного вида*

Глаголы совершенного вида		Глаголы несовершенного вида	
суффиксы	примеры	суффиксы	примеры
-а-	спис-а-ть	-ыва	спис-ыва-ть
-я-	обмен-я-ть	-ива	обмен-ива-ть
-ну-	зачерп-ну-ть	-ыва	зачерп-ыва-ть
	выкрик-ну-ть	-ива	выкрик-ива-ть
	толк-ну-ть	-а-	толк-а-ть
-и-	вылеч-и-ть	-ва-	вылечи-ва-ть
-и-	разреш-и-ть	-а-	разреш-а-ть
	заш-и-ть	-ва-	заши-ва-ть
	приб-и-ть	-ва-	приби-ва-ть
без суффикса	дать	-ва-	да-ва-ть

* Сознательно избегаются вначале случаи с чередованием гласных и согласных.

пар выражает повторение, а второй – очевидный процесс совершения действия, и что оба они – глаголы несовершенного вида.

Глаголы совершенного вида – *пойти, повезти, поведсти, понести* и т. п. Супин молдавского языка не имеет выражения в русском языке на современном этапе его развития. Значение древнерусского супина выражается теперь формой инфинитива.

В молдавском языке супин и теперь живая категория. Однако по выполняемой функции нельзя отождествлять молдавский супин с древнерусским. В древнерусском языке форма супина употреблялась лишь для выражения цели движения.

Вот примеры из Лаврентьевской летописи: *Присъла Романъ ... сълы к Игореву построить мира първаго* («Прислал Роман ... послов к Игорю восстановить прежний договор»). *Пришли есмы воевать* («Мы пришли воевать»).

В молдавском языке функции супина гораздо шире. Он может выражать не только цель движения, но и цель вообще; он может служить также неизменяемой частью в составе сложного сказуемого после глаголов, обозначающих долженствование и другие модальные оттенки, причем он часто сочетается с предлогом.

Например:

Ам мулт де лукрат азъ (Я должен сегодня много работать.)
У меня сегодня много работы.

М'ам дус ла косит фын (Я пошел косить сено.)

Что касается наречия, то здесь стоит отметить несколько пунктов.

1. Общее о наречиях обоих языков. Наречие, как известно, не характеризуется формами словоизменения, если не считать качественных наречий, имеющих формы степеней сравнения. Наречие – знаменательная часть речи, противопоставляемая другим знаменательным частям речи как категория слов, выражающих признак действия или же меру, степень проявления другого признака (*читаю громко, сплю мало, весьма умный, удивительно красиво* и т. п.). Как неизменяемые слова наречия обоих языков могут сопоставляться лишь со стороны их образования.

2. Отличия образования наречий и качественных прилагательных. В русском языке наречия, выражающие качество, внутренне присущее действию-состоянию (так называемые качественные наречия), часто образуются от соответствующих качественных прилагательных. В молдавском языке подобные наречия также образуются от соответствующих качественных прилагательных. Что касается различий в способах образования форм сравнительной степени качественных наречий, то о них можно сказать то же, что и о различиях в образовании форм сравнительной степени качественных прилагательных. В отношении такой неизменяемой части речи, как наречие, основное внимание следует уделять словарной работе, рассмотрению способов образования, а также орфографии (важны слитные, отдельные или полуслитные написания наречий). Необходимо обеспечить усвоение наиболее употребительных наречий. Для этой цели можно использовать метод перевода – запись в собственный словарь этих наречий в алфавитном порядке.

3. Акцентирование внимания на правописании наречий. Главным образом это относится к производным наречиям, которые по правилам молдавской орфографии пишутся отдельно, а по правилам русской – слитно. Например: *де департе* – издали, *дин ноу* – снова, *дин афарэ* – снаружи, *де аколо* – оттуда и т. п.

Рассмотрения также требуют следующие отличия русского языка от молдавского:

1) неупотребительность форм настоящего времени вспомогательного глагола *быть* в роли связки;

2) сочетание количественных слов или собирательных существительных с родительным падежом других существительных в роли подлежащего и согласование с ним сказуемого;

3) соответствие инфинитива русского языка в составе сложного сказуемого формам конъюнктива молдавского языка;

4) структура безличных предложений.

С «пропуском» связки молдавско-русские билингвы знакомятся еще в школе при изучении русского языка как официального (или родного). Все же искоренить полностью склонность употреблять связку *есть* можно лишь при условии постоянного внимания к ней в течение всего периода обучения русскому языку. И тогда особых трудностей уже не возникает. Если же при проработке темы о главных членах предложения в устной или письменной речи еще наблюдается указанная склонность, следует давать соответствующие упражнения, лучше всего перевод небольших предложений с молдавского на русский.

Сочетание количественных слов с родительным падежом как в роли подлежащего, так и в роли прямого дополнения практически уже знакомо, если хорошо проработана и усвоена тема «Имя числительное». Для закрепления навыков по правильному употреблению таких сочетаний необходимо давать предложения с существительными в начальной форме после числительного с заданием поставить это существительное в требуемый падеж, а глагол – в нужную форму.

Например:

На полке было восемь (книга).

Семь учеников группы вчера (остаться) в школе после уроков.

Особенно важен перевод предложений с формами конъюнктива в составе сложного сказуемого, если им соответствует в русском языке инфинитив. Перевод в данном случае является наиболее эффективным видом упражнений, хотя иные не исключаются.

Со структурой безличных предложений, а также обобщенно-личных и неопределенно-личных следует знакомить молдавско-русских билингвов на конкретных примерах.

Важнейшим различием между русским языком и молдавским в отношении использования определения как части предложения является различие в порядке слов. В русском языке обычным прямым порядком слов следует считать положение

определения впереди определяемого слова, в молдавском, наоборот, положение определения за определяемым словом.

Например:

Принтре фрунзишул дес се ведя пе болта черулуй ун петик албастру.

(Сквозь густую листву виднелся на небесном своде голубой клочок).

При наличии двух (или более) однородных определений каждое из них относится непосредственно к определяемому существительному, и указанное различие в порядке слов сохраняет свою силу.

Например:

Ын локул ачестей фрунзе ва рэсэри ун мугурел мик, дар шгурос, хрэнит де о севэ ноуэ, проаспэтэ.

(На месте этого листка пробьется маленькая, но крепкая почечка, питающаяся новым, свежим соком).

Также особого внимания требуют следующие вопросы:

- о месте определения относительно определяемого слова или словосочетания в русском языке;
- об употреблении в русском языке притяжательных местоимений вместо дательного посессивного в молдавском;
- о выражении в русском языке значений различных сочетаний предлогов с инфинитивом, наречием или супином молдавского языка.

Правило, что согласованное определение располагается в русском языке перед определяемым словом, молдавско-русские билингвы, как правило, усваивают достаточно быстро. Это относится и к двум или более однородным определениям. Сложнее обстоит дело с двумя неоднородными определениями. Тут возможны два случая:

1. Одно из определений несогласованное (*мануалул ноу де физикэ*).

2. Оба определения согласованные (*лимба русэ литерарэ*).

В обоих случаях важно, чтобы обучающиеся умели выделять определяемое (*мануал де физикэ, лимбал итерарэ*) и определение к нему (*ноу, русэ*). И тогда легко пояснить, что определение ставится в русском языке в препозиции (*новый учебник физики, русский литературный язык*).

Что касается порядка слов внутри словосочетания, то к нему надо применить общее правило: согласованное определение ста-

вится в русском языке впереди, а несогласованное – за определяемым существительным (*литературный язык, учебник физики*).

Дательный посессивный широко употребителен в молдавском языке, и в русской речи молдавско-русских билингвов не исключены случаи механического буквального перевода.

Например:

Ей ышь фак нотице.

Они себе делают заметки вместо *Они делают свои заметки*.

Лучше в данном случае не прибегать вначале к методу перевода, а при помощи устной беседы добиваться правильного употребления именно притяжательного местоимения, и лишь потом, если есть еще необходимость, давать и перевод с молдавского на русский. В вопросительных предложениях с вопросительными словами на первом месте стоит вопросительное слово, за ним – сказуемое или глагол-связка и лишь после него – подлежащее (*Че фачь ту? Чине есте бэятул ачела?*).

В русском языке в предложениях такого рода вопросительное слово также ставится на первое место, но в отличие от молдавского языка за ним следует подлежащее и лишь затем сказуемое (*Что ты делаешь? Где ты учишься?*)

Значительных различий между русским языком и молдавским в области сложного предложения не имеется. Если и наблюдаются различия, то они относятся главным образом к структуре отдельных простых предложений в составе сложных, но не к самому сложному предложению как единому целому.

Все же кое-какие различия, причины грамматической интерференции, можно отметить и в отношении структуры целого. Они бывают двоякого рода. Одни из них связаны с тем, что иногда сложному предложению в одном из сопоставляемых языков в другом языке соответствует простое; другие относятся к типу союзов, связывающих простые предложения, входящие в состав сложного. Придаточное определительное в молдавском языке соответствует причастному обороту в русском.

Как уже было указано, молдавский язык в отличие от русского не имеет форм действительных причастий. Поэтому во всех случаях, когда в русском языке простое предложение осложнено причастным оборотом с действительным причастием, в молдавском языке такому предложению соответствует сложное предложение, а именно сложноподчиненное с придаточным определительным.

Например:

Бурдужа повернул вправо в переулок, напоминавший аллею парка.

Бурдужа а котит-о ла дряпта пе о уличоарэ, каре семэна ку алея унуй парк.

И даже в том случае, когда и в молдавском языке возможен причастный оборот со страдательным причастием, вместо такого оборота употребляется придаточное определительное.

§ 3. Грамматическая интерференция при изучении английского языка национально-русскими билингвами

Глагол представляет собой самую сложную часть речи в системе английской грамматики, что обусловлено его многофункциональностью и многообразием форм выражения. В отличие от других частей речи, глагол характеризуется процессуальностью, элементами которой могут быть субъект, объект и другие участники. В предложении глагол характеризуется наибольшим числом синтаксических связей, а также является организующим центром предложения. В.В. Виноградов отмечал, что «семантическая структура глагола более емка и гибка, чем всех других грамматических категорий. Глагольное слово с богатством и разнообразием значений, сочетает богатство и разнообразие форм»¹.

Несмотря на то, что отечественные и западные лингвисты классифицируют глаголы по-разному, неоспоримым является тот факт, что глаголы *be*, *have*, *do* выступают как вспомогательные в английском языке. М.Я. Блох включает в их число также глаголы *shall*, *will*, *should*, *would*².

Глагол *to be* – самый многофункциональный глагол английского языка. Он может выступать в качестве смыслового глагола, вспомогательного глагола, глагола-связки, а также иметь модальное значение³:

¹ Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Крысин Л.П. Русский язык: Учебник / Под ред. Л.Л. Касаткина. – М., 2001. – 768 с.

² Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учебник. – М., 1983. – 383 с.

³ Oxford Dictionary. – Доступ.: www.oxforddictionaries.com

Jane is at school now.

Ben was watching his favorite TV program at 8 o'clock yesterday.

Clark is an excellent doctor. They say he is magician.

We are to decide it right now.

Отечественные ученые выделяют вспомогательные глаголы *shall, will, should, would* в отдельную группу. Западные ученые относят их к группе модальных глаголов, которые входят в группу вспомогательных. Так или иначе эти глаголы участвуют в образовании грамматических времен, при которых теряют свое лексическое значение. Следует обратить внимание на тот факт, что *shall, will* и их формы прошедшего времени могут иметь модальные значения. Интересно также, что западные лингвисты относят их не к вспомогательным первичным, а к вспомогательным модальным глаголам¹.

Вспомогательные глаголы, несмотря на то, что могут быть смысловыми, теряют полностью или частично свое лексическое значение. Они могут участвовать в образовании различных видовременных и залоговых форм, разделительных вопросов, форм повелительного наклонения, могут использоваться также для замены глаголов с целью избежать повторений и для усиления утверждения.

Зарубежные и отечественные лингвисты приводят различные классификации глаголов по их способности выступать в том или ином типе сказуемого. Однако неоспоримым является тот факт, что и те, и другие ученые солидарны в том, что глаголы *be, have, do* – вспомогательные. Причем Д. Бибер относит их к группе вспомогательных первичных глаголов из-за их многофункциональности². М.Я. Блох относит к группе вспомогательных также глаголы *shall, will* и их формы прошедшего времени (*should, would*), так как помимо своего модального значения они служат для образования форм будущего времени³.

С целью рассмотрения примеров возможной грамматической интерференции в иностранной речи носителей молдавского и русского языков в Приднестровье необходимо обратиться к вопросам функционирования вспомогательных глаголов в русском и молдавском языках.

¹ Biber D., Conrad S., Leech G. Student Grammar of Spoken and Written English. – Longman: Pearson Education Limited, 2003. – 487 p.

² Там же.

³ Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учебник. – М., 1983. – 383 с.

В русском языке Г.М. Ставская и Е.В. Клобуков выделяют полнознаменательные и неполнознаменательные глаголы. Полнознаменательные глаголы являются самостоятельными членами предложения, а неполнознаменательные – вспомогательными, так как сами по себе они не являются членами предложения. Г.А. Золотова делит неполнознаменательные глаголы на связочные, модальные, фазисные и глаголы-компенсаторы. Связочные глаголы используются при формировании составного именного сказуемого (*быть, являться, становиться, делаться*); модальные глаголы выражают отношение человека или предмета к чему-либо (*хотеть, желать, мочь*); фазисные глаголы обозначают фазу совершения действия (*начать – начинать, продолжить – продолжать, закончить – заканчивать*); глаголы-компенсаторы восполняют в предложении недостающие грамматические смысловые элементы при синтаксической деривации (*в саду собирают яблоки – ведется сбор яблок*)¹.

Глагол в молдавском языке можно классифицировать по различным признакам: лексическим, семантическим, семантико-синтаксическим. В рамках семантико-синтаксической классификации глаголы подразделяются на предикативные и непредикативные. Предикативные глаголы – это те, которые выполняют функцию сказуемого в предложении, непредикативные – те, которые не могут быть самостоятельными предикатами. Д. Иримия подразделяет непредикативные глаголы на глаголы-связки и полувспомогательные глаголы. Глаголы-связки, в свою очередь, подразделяются на абсолютные (*а фи*) и лексико-грамматические (*а девени, а пэря, а се фаче, а ажунже, а еши, а рэмыне*). Полувспомогательные делятся на три группы: модальные (*а требуи, а путя, а авя, а фи, в вря*), аспектные (*а вря, а ста*) и темпоральные (*а фи, а авя*). Как видно, Д. Иримия не выделяет в данной классификации вспомогательные глаголы. Хотя он называет и описывает их, ученый не относит вспомогательные глаголы к семантико-синтаксической категории. Д. Иримия относит вспомогательные глаголы к категории так называемых свободных морфем. Таким образом, вспомогательные глаголы в молдавском языке являются флексиями, выполняющими определенные грамматические функции в предложении. Таких флексий, которые все же назы-

¹ Касаткин А.Л., Клобуков Е.В., Крысин Л.П. Русский язык: Учебник / Под ред. А.Л. Касаткина. – М., 2001. – 768 с.

ваются вспомогательными глаголами, в молдавском языке четыре: *а фи, а авя, а вои, а вря*¹.

Рассмотрим, как влияет владение русским и молдавским языками на изучение вспомогательных глаголов английского языка. Начнем со вспомогательного глагола *to do*, так как это первый глагол такого рода, с которым знакомятся учащиеся. Ни в русском, ни в молдавском языках у него нет аналогов. Поэтому трудности при усвоении этой грамматической единицы будут, так сказать, универсальными. Хотя владеющий молдавским языком учащийся быстрее привыкнет к мысли о его использовании и не будет попросту опускать его, как учащийся, для которого русский язык является родным. Например, вместо «*Did he learn this verse by heart?*» он скажет: «*Learn he this verse by heart?*». Но если само понятие вспомогательного глагола и его функция в предложении вскоре для учащегося станут делом привычным и обычным, то нюансы его использования могут забываться и опускаться в устной речи. Это касается использования *do* вместо *does* в 3-м лице единственного числа. Очень часто это явление интерференции встречается в спонтанной речи учащихся вне зависимости от того, какой язык является родным.

Что касается остальных случаев, в которых используется вспомогательный глагол *to do*, можно сказать, что практически везде возникают случаи отрицательного переноса с русского/молдавского на английский. Например, дословный перевод предложения *В фильме на самом деле было несколько неожиданных моментов* – *The film delivers really few surprises*, тогда как нужно использовать вспомогательный глагол *to do* как усиление.

Так называемый перфектный глагол *to have* в русском языке не имеет эквивалента, в связи с чем у учащихся будет вызывать затруднение определение функции перфекта в предложении. Именно этот факт будет первым отрицательным моментом в речи учащегося с доминирующим русским языком. Вторым таким моментом является путаница в формах: использование *have* вместо *has* на первых порах станет камнем преткновения многих изучающих английский язык.

А вот у ученика с родным молдавским языком есть больше шансов на трансференцию, чем на интерференцию. Как уже известно, в молдавском языке существует перфект. Он также означает завершенное действие, и одна из его более распро-

¹ Irimia D. Gramatica limbii române. – Iași, 2000. – 544 с.

страненных форм (Перфектул компус) образуется при помощи вспомогательного глагола. Так можно объяснить Present Perfect Tense на основе Перфектул компус: *Eu am uitat cheia și nu pot deschide ușa – I have forgotten the key and can't open the door*¹. Более того, проблема с *have* и *has* может и не возникнуть, так как вспомогательный глагол *a avea* в молдавском языке изменяется во всех лицах и числах. Наличие же в английском языке практически во всех лицах и числах одинаковой формы *to have* только положительно повлияет на запоминание всех форм и употребление его в речи.

Наименьшее количество трудностей можно прогнозировать при употреблении вспомогательных глаголов *will* и *shall*, которые используются для образования будущего времени. Что касается билингва с доминирующим русским языком, то трансференция возникнет на основе будущего сложного времени русского языка: *Он будет играть – He will play*. Сложности могут возникнуть уже с Future Continuous Tense, Future Perfect Tense и Future Perfect Continuous Tense. Здесь возникает, так сказать, внутренняя интерференция. Для русскоговорящего легче использовать Future Simple Tense во всех случаях вне зависимости от того, когда происходит действие и завершено ли оно.

В молдавском же существует два варианта будущего времени. В этих вариантах используется вспомогательный глагол, причем не один. Например, будущее II молдавского языка равносильно по форме и функции Future Perfect Tense английского языка: *El va fi terminat lucrarea mâine la ora șase – He will have finished his work by 6 o'clock tomorrow*.

Интерференция может проявиться в использовании самих этих глаголов в разных лицах. Но в связи с тенденцией использования *will* во всех лицах, в том числе и в 1-м лице, вряд ли можно говорить об ошибке.

Вспомогательный глагол *to be* переводится как глагол *быть* в русском и *a fi* в молдавском языке. Несмотря на то, что у глагола есть аналоги в каждом языке, функции у него везде различны. В русском языке вспомогательный глагол *быть* используется для образования будущего сложного времени, в молдавском – будущего II (Виитор антериор). В английском же он используется для образования длительных форм глагола.

¹ Handruș E, Tutoveanu A., Tănase I. Limba Română Gramatică și noțiuni de vocabular. – București, 1996. – 175 с.

Таким образом, интерференция может возникнуть, во-первых, из-за несоответствия функций данного глагола во всех трех языках, во-вторых, из-за отсутствия длительных форм глагола в молдавском и русском языках. Еще один момент, касающийся этого глагола: как говорилось раньше, *to be* выступает также в качестве связки. В данном случае он очень часто опускается учащимися с родным русским языком. Например, *he engineer* вместо *he is an engineer* по аналогии с русским *он инженер*. У билингва с родным молдавским такая проблема не возникнет. наоборот, вместо интерференции проявится трансференция: *ea este ынвэцэтоаре* – *she is a teacher*. Хотя в данной работе и рассматриваются вспомогательные глаголы, этот момент важен, если учесть, что на первых порах изучения английского языка не все понимают и осознают разницу между вспомогательными глаголами и глаголами-связками.

Сослагательное наклонение в английском языке основывается больше на определенном порядке слов в предложении, чем на определенных словах. Наличие вспомогательных глаголов *should* и *would* в предложении не означает, что предложение является условным. *Should* и *would* не являются единственными и основными показателями сослагательного наклонения, как, например, частица *бы* – в русском языке. Понять то, что условное предложение в английском языке строится на определенном порядке слов, будет сложно для билингва Приднестровья. И в русском, и в молдавском сослагательное наклонение зависит от вспомогательных компонентов: частица *бы* – в русском, вспомогательный глагол *a avea* – в молдавском. Интерференция будет заключаться в том, что *should* и *would* будут употребляться с глаголом точно так же, как и в русском, и молдавском: *она бы пошла* – *ea aш мерже* – *she would go*. Как известно, *should/would* плюс инфинитив образуют Future Indefinite in the Past, но не сослагательное наклонение.

Особенность приднестровского многоязычия заключается в том, что доминирующим языком в данной ситуации является русский. Несмотря на это, другие официальные языки Приднестровья – молдавский и украинский – играют значительную роль в жизни данного региона. Особенно важно это при обучении английскому языку, так как оно должно строиться не только на основе русского, молдавский язык как Я1 или даже Я2 также важен, ведь принятие его во внимание поможет сделать учебный процесс более эффективным.

В зависимости от того какой язык является доминирующим, эти особенности могут отличаться, но в большинстве случаев практика показывает, что интерференция может произойти из-за различия грамматических систем языков. Молдавский язык, однако, являясь примером аналитико-синтетического языка, имеет больше сходств с аналитическим английским, чем с синтетическим русским. Поэтому можно сделать вывод, что владеющий молдавским языком будет испытывать меньше трудностей при освоении вспомогательных глаголов английского языка, чем владеющий только русским языком.

Грамматическая интерференция в английской речи украинских учащихся обусловлена различиями в грамматическом строе английского и украинского языков. Различия в грамматических категориях определенности/неопределенности, рода, множественного числа существительных, вида, времени и залога глагола и другое создают потенциальное поле грамматической интерференции, а различия в способах выражения таких грамматических категорий составляют реальное поле грамматической интерференции.

Предлоги украинского языка оказывают интерферирующее влияние на употребление предлогов английского языка; многозначность украинского предлога *в* в английском языке представлена разнотематическими предлогами времени, пространства, движения (*at, on, in; to, in; into* etc.). Особую сложность представляет обучение корректному употреблению артиклей в английском языке, в частности определенного (*the*) и неопределенного (*a, an*), поскольку данная грамматическая категория отсутствует в украинском языке.

Свободный порядок построения членов высказывания в украинском языке, наличие категории определенности/неопределенности, система супплетивных глаголов и так далее в английском языке создает потенциальное поле интерференции. Не меньшее интерферирующее воздействие оказывает и сложная парадигматика глагольного словоизменения в английском языке, особенно его временная система.

Исследование социолингвистических параметров неконтактного украинско-английского двуязычия и процессов интерференции в английской речи позволило разработать социолингвистическую модель данного вида двуязычия в зависимости от степени интерференции в английской речи учащихся.

Предложенная нами модель неконтактного украинско-английского двуязычия учащейся молодежи Приднестровья, однако, не ограничена жесткими рамками и является в определенной степени гибкой, что соответствует реальному функционированию английской речи в среде украинских учащихся.

Как показывает многолетняя практика работы в высшем учебном заведении, современные выпускники не могут успешно трудиться и развиваться без знаний иностранного языка. Иностранный язык становится тем инструментом, который позволяет успешно адаптироваться на рынке труда и образовательных услуг как в России, так и за рубежом. ФГОС ВО третьего поколения относят иностранный язык к обязательным предметам, позволяющим усвоить достижения мировой культуры, науки, техники и технологии и отводят на этот предмет достаточное количество учебного, в том числе аудиторного, времени. Обучая студентов иностранному языку в течение всего периода обучения – 4 года в бакалавриате и 2 года в магистратуре – преподаватели иностранного языка выделили достаточное количество проблем. Одна из них – интерференция.

Конечно, с проблемой влияния родного языка при обучении иностранному, в частности английскому, сталкивается любой преподаватель. Однако, поскольку наши выпускники успешно продолжают обучение и трудятся за рубежом, для нас эта проблема стала особенно важной. Интерференция в лингвистике обозначает последствия влияния одного языка (родного) на другой (изучаемый).

Уменьшение языковой интерференции при изучении иностранного языка видится нам, безусловно, сложной и комплексной задачей, но использование аутентичных учебных материалов, аудиокурсов, газет, журналов, материалов сети Интернет, а также правильная организация работы над особенностями изучаемого языка ведут к ее значительному сокращению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Научная, научно-методическая и учебная литература

1. *Алпатов В.М.* Двадцать лет спустя // Язык и общество в современной России и других странах: Матер. междунар. конф. Москва, 21–24 июня 2010 г. / Отв. ред. В.А. Виноградов, В.Ю. Михальченко; ИЯ РАН, НИЦ по нац.-яз. отношениям. – М., 2010. – 608 с.
2. *Алтынбекова О.Б.* Категория рода русского языка как потенциальная область интерференции // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе. – Солоники, 2009. – Доступ.: http://scjournal.ru/articles/isnn_1997-2911_2016_2-1_56.pdf.
3. *Антоненко-Давидович Б.* Як ми говоримо. – Київ, 1991. – 254 с.
4. *Багироков Х.З.* Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков). – Доступ.: window.edu.ru/window/library?p_rid=60799
5. Багмут А.И., Борисюк И.В., Олейник Г.П. и др. Типология интонации речи: Монография. – Киев, 1977.
6. *Баранникова Л.Н.* Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972. – 139 с.
7. *Бахтикиреева У.М.* К вопросу о языковом сознании билингвов // Когнитивная парадигма языкового сознания в современной лингвистике: Матер. междунар. науч. конф. 13–14 октября 2011 г. – Майкоп, 2011. – 268 с.
8. *Бахтикиреева У.М.* О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 76–81.
9. *Бахтикиреева У.М.* Русский язык в полилоге культур (или «новые импульсы русскому языку?») // Матер. междунар. науч. конф. «Жизнь языка в культуре и социуме–2». – М., Калуга, 2011. – С. 174–176.
10. *Бахтикиреева У.М.* Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века // Матер. IV

междунар. науч.-метод. конф. «Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты». 21–23 апреля 2011 г. – Пятигорск, 2011. – С. 12–16.

11. *Бахтикиреева У.М.* Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1 (45). – С. 32–36.

12. *Бахтикиреева У.М., Дианова Л.П.* Проблемы речевой культуры студентов-билингвов российских вузов // Almatmater. Вестник высшей школы. – Март 2011. – № 2. – С. 82–86.

13. *Бахтин Н.Б., Головкин Е.В.* Социолингвистика и социология языка. – СПб., 2004. – 336 с.

14. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. – М., 2007. – 437 с.

15. *Белоусов В.Н.* О проблемах и перспективах функционирования русского языка в межнациональном общении в современной геополитической ситуации // Язык и общество в современной России и других странах: Матер. междунар. конф. Москва, 21–24 июня 2010 г. / Отв. ред. В.А. Виноградов, В.Ю. Михальченко; ИЯ РАН, НИЦ по нац.-яз. отношениям. – М., 2010. – С. 16.

16. *Бондалетов В.Д.* Социальная лингвистика. – М., 1997. – 160 с.

17. *Брызгунова Е.А.* Интонация // Русская грамматика. – 1980. – Т. I. – С. 96–122.

18. *Брызгунова Е.А.* Практическая фонетика и интонация русского языка. – М., 2009. – 308 с.

19. *Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. – М., 2008. – 116 с.

20. *Брызгунова Е.А.* Звуки и интонация русской речи. Лингвфонный курс для иностранцев. – 3-е изд. – М., 1997. – 194 с.

21. *Будник Е.А., Логинова И.М.* Аспекты исследования звуковой интерференции (на материале русско-португальского двуязычия). – М., 2012. – 162 с.

22. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – Вып. 6. Языковые контакты, 1972. – С. 25–60. – Доступ: philology.ru/linguistics1/weinreich-72.htm

23. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. – Киев, 1979. – Доступ: <http://www.booksite.ru>.

24. *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). – М., 1999. – 162 с.

25. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 1990. – 246 с.

26. Вестник Приднестровского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (55). – 228 с.

27. *Виноградов В.А.* Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 234.

28. Вопросы языка в современных исследованиях: Матер. междунар. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения». 15 мая 2012 г. – М.: Ярославль, 2012. – 288 с.

29. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. – М., 2005. – 671 с.

30. *Гальскова Н.Д.* Современная методика обучения иностранным языкам. – М., 2000. – 165 с.

31. *Горелов И.Н.* О значении и методике исследования интерференции // Интерференция в устной и письменной немецкой речи студентов и школьников: Сб. статей. – Оренбург, 1969. – С. 5–33.

32. *Гринберг С.А.* Русско-белорусский билингвизм: проблемы и перспективы // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – 2010. – № 11. – С. 223–229.

33. *Громыко А.* Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура // Смыслы и ценности Русского Мира: Сб. ст. и матер. «круглых столов», организованных фондом Русский мир / Под ред. В. Никонова. – М., 2010. – С. 22–23.

34. *Губогло М.Н.* Современные этноязыковые процессы в СССР. – М., 1984. – 288 с.

35. *Данилина Е.К.* Ошибки, вызванные грамматической интерференцией (на примере письменных работ студентов) // Известия вузов. Сер.: Гуманитарные науки. – 2013. – № 4 (4). – С. 299–301.

36. *Девлетов Р.Р.* Взаимосвязанное обучение языкам в условиях формирования функционального трилингвизма и проблема смешения языков. – Доступ.: dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/74177/88-Dev1%D0%B5tov.pdf?sequence=1

37. *Демушкина Н.Т.* Средства выражения несогласия в билингвальной речи // Проблемы порождения и восприятия речи. – Череповец, 2013. – С. 63–67.

38. *Дианова Л.П.* К вопросу о доминировании одного из языков в речевой культуре билингва // Русский язык за рубежом. – 2010. – № 3–4. – С. 11–14.
39. *Дианова Л.П.* Русский язык в речевой культуре билингвов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011.
40. *Дридзе Т.М.* Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 145–152.
41. *Жинкин Н.И.* Язык – речь – творчество. Избранные труды. – М., 1998. – 368 с.
42. *Залевская А.А.* Некоторые спорные вопросы теории двуязычия // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие. – М., 2011. – С. 33–47.
43. *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. – М., 1990. – 320 с.
44. *Зинкевич А.В., Калюта А.М.* Статистическое обоснование межъязыковой омонимии // Мир русского слова и русское слово в мире: матер. XI конг. МАПРЯЛ. Т. 5. Русский язык в сопоставлении с другими языками. – София, 2007. – С. 106–110.
45. *Калинина Е.Н.* Проблемы интерференции и языкового дефицита (на материале русской речи носителей английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1976. – 15 с.
46. *Каракуц-Бородина Л.А.* Транслингвизм и языковая игра (на материале произведений В.В. Набокова) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – Доступ: cyberleninka.ru/article/n/translingvizm-i-yazykovaya-igra-na-materiale-proizvedeniy-v-v-nabokova-1
47. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. – М., 2000. – 329 с.
48. *Карлинский А.Е.* Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Киев, 1980. – 48 с.
49. *Карлинский А.Е.* Типология языковой интерференции // Зарубежное языкознание и литература. – 1972. – Вып. 2. – С. 9–16.
50. *Касевич В.Б.* Об основах теории интонации // Проблемы фонетики. – Ч. I. – М., 1993. – С. 59–60; Ч. II. – М., 1995. – С. 189.
51. *Кирилина А.В.* Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 13. – С. 30–39.

52. *Климов А.В.* Интерференция. – М., 2000. – С. 287.
53. Когнитивно-лингвокультурологический анализ картины мира казахско-русских билингвов: Учебное пособие по спецкурсу / Сост. Н.М. Жанпенсова. – Актобе, 2006. – 232 с.
54. *Комарова Ю.А., Векуа А.Г.* Особенности обучения профессионально-ориентированному иностранному языку студентов-бакалавров в условиях трилингвизма // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Матер. II междунар. науч.-прак. конф. – Пенза, 2017. – С. 228–231.
55. *Коновалова О.А.* Проблема інтерференції близькоспоріднених мов (наприкладі полілінгвокультурної ситуації АРК) // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. Т. 25 (64). – № 1. – Ч. 1. – С. 14–18.
56. *Кремер Е.Н.* Актуальные вопросы русско-инонационального художественного билингвизма // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2009. – № 1–2. – С. 38–42.
57. *Крысин Л.П.* Речевое общение в условиях языковой неоднородности. – М., 2000. – 224 с.
58. *Курохтина Т.Н.* Об интерференции близкородственных языков // Русский язык за рубежом. – 2008. – №1 (206). – С. 53–57.
59. *Логинова И.М.* Интонационное выражение семантики конца и начала в русском высказывании // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 2002. – С. 321–333.
60. *Логинова И.М.* Лингводидактический аспект методики преподавания русского языка как иностранного и пути его изучения // Вестник РУДН. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2009. – № 4. – Доступ.: cyberleninka.ru/article/n/lingvodidakticheskiy-aspekt-metodiki-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-i-puti-ego-izucheniya.
61. *Логинова И.М.* Русская интонация в семантико-стилистическом аспекте // Русский язык за рубежом. – 1995. – № 1. – С. 42–47.
62. *Лозан Т.А.* Проблема інтерференції в умовах українсько-російської двомовності // Вестник Приднестровского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (55). – 228 с. – С. 8–11.

63. *Луаиби Ф.Р.* Понятие интерференции в лингвистике // *Apriori. Сер.: Гуманитарные науки.* – 2014. – № 4. – С. 21.
64. *Лурье С.* Двойное дно этничности. – М., 1998. – Доступ.: svlourie.narod.ru/metamorphoses/etnity.htm
65. *Любимова Н.А.* Фонетический аспект общения на неродном языке (в условиях финско-русского двуязычия) – Л., 1988. – 194 с.
66. *Мартине А.* Основы общей лингвистики // *Новое в зарубежной лингвистике.* – 1963. – Вып. III. – С. 366–566.
67. *Масенко Л.* Мова і політика. – Киев, 1999. – 101 с.
68. *Матвеева Д.Г.* Языковое образование в условиях поликультурной среды // *Вестник Бурятского университета.* – 2012. – № 15. – С. 143–146.
69. *Матусевич М.И.* Введение в общую фонетику. – 3-е изд. – М., 1999. – 136 с.
70. *Махмудова А.Ж.* Трилингвизм в условиях многонациональной школы // *Молодой ученый.* – 2016. – № 9. – С. 1145–1149.
71. *Мечковская Н.Б.* Языковой контакт. Общее языкознание. – Минск, 1983. – 456 с.
72. *Миловидова О.В.* Аутентичность как основа формирования межкультурной компетенции в поликультурной среде. – Доступ.: www.espanol-spb.ru/articles/1318171631/
73. *Миловидова О.В.* Моделирование процесса коммуникативно-прагматического обучения русскому языку как иностранному в формате русско-финского сетевого диалога // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради.* – СПб, 2006. – № 1. – С. 135–138.
74. *Никифорова Н.Г.* Полилингвизм и образование на родном языке как элемент государственной образовательной политики Приднестровья. – Доступ.: www.pmr21.info/text.php?cat=12&name=polilingvizm_i_obrazovanie_na_rodnom_jazyke&arch=onsite
75. *Николаева Т.М.* Семантика акцентного выделения. – М., 2004. – 104 с.
76. *Николаева Т.М.* Типологическое изучение фразовой интонации славянских языков // *Исследования по славянскому языкознанию.* – М., 1971. – С. 209–215.
77. *Обухова В.Н.* Специфика русско-украинской интерференции в условиях Крыма. – Доступ.: www.rusnauka.com/NPM_2006/Philologia/3_obuhova.doc.htm

78. *Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. – М., 2007. – 848 с.

79. Петрович Э. Унаследованное и приобретенное под иноязычным влиянием в фонетическом и фонологическом развитии румынского языка // Новое в лингвистике. – 1972. – Вып. 6. – С. 321–333.

80. *Погорелая Е.А.* Языковая ситуация и языковая политика: Русский язык в Приднестровье. – Доступ.: www.dissercat.com/content/yazykovaya-situatsiya-i-yazykovaya-politika-russkii-yazyk-v-pridnestrove#ixzz3UuEWlNl

81. *Погорелая Е.А.* Языковая ситуация и языковая политика: Русский язык в Приднестровье: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 444 с.

82. *Прокопова Л.И.* О синтагматическом и актуальном членении // Теория языка, методы его исследования и преподавания (К 100-летию со дня рождения Л.В. Щербы) / Под ред. Р.И. Аванесова. – Л., 1981. – С. 207–211.

83. *Прокопова Л.І.* Тональні акценти у німецькій та українській мовах: вступ до контрастивного вивчення просодичних систем // Нариси з контрастивної лінгвістики. – Киев, 1979. – 204 с.

84. *Прохоров Ю.Е.* Русский язык и русская культура в новой геополитической коммуникации // Матер. междунар. науч.-практ. конф. «Инновационные технологии в теории и практике преподавания русского языка и литературы: проблемы и пути решения». Ч. 1. 24–26 ноября 2009 г. – Астана, 2009. – 423 с.

85. *Прошина З.Г.* Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник РУДН. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 155–170.

86. *Реформатский А.А.* Обучение произношению и фонология // Филологические науки. – 1959. – № 2. – С. 145–156.

87. *Ривлина А.А.* ВИП и/или VIP? Лексическая вариативность в свете глобализации английского языка // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2014. – № 3. – С. 22–31.

88. *Ривлина А.А.* Глобализация английского языка и формирование массового русско-английского билингвизма // Вестник Череповецкого гос. ун-та. – 2014. – № 4. – С. 104–108.

89. *Рогозная Н.Н.* Типология лингвистической интерференции в русской речи иностранцев (на материале разноструктурных языков): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 381 с.

90. *Росетти А.* Смешанный язык и смешение языков // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. – М., 1972. – С. 112–118.

91. *Румянцева И.М.* О проблеме утраты естественного билингвизма на территории бывшего СССР // Язык и общество в современной России и других странах: Матер. междунар. конф. Москва, 21–24 июня 2010 г.: Доклады и сообщения / Отв. ред. В.А. Виноградов, В.Ю. Михальченко; ИЯ РАН, НИЦ по нац.-яз. отношениям. – М., 2010. – С. 144–145.

92. *Русаков А.Ю.* Интерференция и переключение кодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2004. – Доступ: cheloveknauka.com/interferentsiya-i-pereklyuchenie-kodov

93. *Рыжова А.С.* Проблемы современной интернет-коммуникации: переключение языкового кода // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: Сб. ст. по матер. XI междунар. науч.-практ. конф. Ч. II. – Новосибирск, 2012. – С. 14–18.

94. Сепир Э. Язык. // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – 656 с.

95. Сербенська Л. Антисуржик. Вчимося ввічливо поводитись і правильно говорити / За ред. О. Сербенської. – Львів, 1994. – 152 с.

96. *Сергеев В.Н.* Зооморфизмы в языке и словаре // Современная русская лексикография. – 1983. – С. 64–73.

97. *Сеченов И.М.* Избранные произведения. – М., 1958. – С. 413.

98. *Солодовникова Н.Н.* Структура ассоциативного поля как показатель формирования искусственного билингвизма студентов // Проблемы порождения и восприятия речи: Материалы XI выездной школы-семинара (7–8 декабря 2013 г., г. Череповец) / Отв. ред. Р.Л. Смулаковская. – Череповец, 2013. – С. 88–93.

99. Сопоставительная грамматика русского и молдавского языков: Учебно-методическое пособие / Сост. А.И. Ватаманюк, О.В. Литвин, В.А. Романенко. – Тирасполь, 2016. – 136 с.

100. *Ставицька Л.О., Труб В.М.* Суржик: міф, мова, комунікація // Українсько-російська двомовність. Лінгвосоціокультурні аспекти: зб. наук. праць / За заг. ред. Л. Ставицької. – Київ, 2007. – С. 31–121.

101. *Супрун А.Е.* Лекции по теории речевой деятельности. – Минск, 1996. – 288 с.

102. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – 624 с.

103. *Тонкова-Ямпольская Р.В.* Развитие речевой интонации у детей первых 2-х лет жизни // Вопросы психологии. – 1968. – № 3. – С. 94–101.

104. *Тонкова-Ямпольская Р.В.* Становление физиологических механизмов в речи // Исследования языка и речи: Ученые записки МГПИИЯ. – М., 1971. – Т. 60. – С. 5–12.

105. *Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 1996. – №12. – С. 33–42.

106. *Фомиченко Л.Г.* Когнитивные основы просодической интерференции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1998. – 32 с.

107. Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л.Р. Зиндера. – СПб., 2004. – С. 3–7.

108. *Хауген Э.* Языковой контакт // Новое в лингвистике. – 1972. – Вып. 6. – С. 61–80.

109. *Хашимов Р.И.* Таджикско-русское двуязычие (социолингвистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Доступ.: <http://franko.crimea.ua>

110. *Холмогоров А.И.* Конкретно-исторические исследования двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия: Сб. науч. тр. – М., 1972. – С. 123–127.

111. *Хугаев И.С.* К проблеме этнокультурной идентичности транслингвального текста (этнический субстрат литературного осетинского русскоязычия) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. – 2010. – № 1. – С. 168–178.

112. *Хэкетт-Джонс А.В.* От билингвизма к полилингвизму: концепции многоязычия в условиях новой образовательной реальности // Междунар. науч.-исслед. журнал. – 2016. – № 3 (45). – Ч. 4. – С. 104–106. – Доступ.: research-journal.org/languages/ot-bilingvizma-k-polilingvizmu-konceptcii-mnogoyazychiya-v-usloviyax-novoj-obrazovatelnoj-realnosti/

113. *Цанко Т.П.* О некоторых проблемах интерференции при обучении русскому языку как иностранному // Русский язык и литература в школе и в вузе: проблемы изучения и преподавания: Сб. науч. тр. – Горловка, 2012. – С. 321–326.

114. *Черноситова Т.Л.* К проблеме выбора языка литературно-художественного творчества французскими писателями-транслингвами русского происхождения // Междунар. журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 8. – С. 968–971.

115. *Щека Ю.В.* Интенсивный курс гагаузского языка. – М., 2000. – 305 с.
116. *Щерба Л.В.* О понятии «смешение языков». Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. – Л., 1958. – 40 с.
117. *Щерба Л.В.* К вопросу о двуязычии // Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. – С. 313–318.
118. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – М., 2007. – 427 с.
119. *Эфендиев Ф.С.* Этнокультура и национальное самосознание. – Нальчик, 1999. – 304 с.
120. Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Матер. междунар. конф. Москва, 16–19 сентября 2014 г. Доклады и сообщения / Отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. – М., 2014. – 637 с.
121. *Auer P.* From codeswitching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech // The International Journal of Bilingualism. – 1999. – Vol. 3. – № 4. – P. 309–332.

Лексикографические источники

1. *Акуленко В.В.* Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» – М., 1969. – Доступ.: windjview.sourceforge.net/
2. Большая российская энциклопедия. – 2002. – Доступ.: bigenc.ru/
3. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2000. – 1536 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – 685 с.
5. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович / Под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. – М., 2013. – 632 с.
6. Сучасний словник іншомовних слів: близько 20 тис. слів і словосполучень / НАН України. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні; Уклад. О.І. Скопненко, Т.В. Цимбалюк. – Київ, 2006. – 789 с.
7. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник / Сост. Жеребило Т.В. – Назрань, 2010. – 486 с.

8. Украинская речь. Энциклопедия. – М., 2000.
9. Oxford Dictionary. – Доступ.: www.oxforddictionaries.com/

Электронные ресурсы

1. ГУ «Приднестровская государственная телерадиокомпания». – Доступ.: radio.pgtrk.ru/
2. Информационно-правовая база Приднестровья. – Доступ.: www.ulpmr.ru/
3. Информационно-правовой ресурс «Закон ПМР». – Доступ.: zakon-pmr.com/
4. Словари и энциклопедии на Академике. – Доступ.: dic.academic.ru/

Работы авторов монографии по теме

1. *Кривошапова Н.В.* Билингвизм Т.Г. Шевченко // Тарас Шевченко в долі слов'янських народів: діалог через століття і кордони: Матер. респ. наук.-практ. конф. – Тирасполь, 2017. – С. 51–55.
2. *Кривошапова Н.В.* Особенности преподавания русского языка как официального в Приднестровье // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: Сб. ст. XVI Всероссийской науч.-практ. конф. молодых ученых с междунар. участием. РУДН, 22 апреля 2016 г. – М., 2016. – С. 187–192.
3. *Кривошапова Н.В.* Слово и этничность. Атрибутивная этничность как определяющий фактор в образовании этниконов // Межкультурный диалог и вызовы современности: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. В.П. Степанова, Т.В. Серегинной; предисл. проф. В.П. Степанов, Т.В. Серегина, Т.Н. Гелла: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева. – Орел, 2017. – с. 564–570.
4. *Кривошапова Н.В.* Фонетическая интерференция при обучении иностранным языкам билингвов-гагаузов // Профориентированное обучение иностранному языку студентов-бакалавров: проблемы и перспективы: Мат. междунар. науч.-практ. конф., 5 апреля 2017 г. – Тирасполь, 2017. – С. 114–120.
5. *Луговская Е.Г.* К вопросу о влиянии билингвизма на формирование языковой компетентности в отношении родного (русского) языка в Приднестровье // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: Сб. ст. XVI Всероссийской науч.-практ. конф. молодых ученых с междунар. участием. РУДН, 22 апреля 2016 г. – М., 2016. – С. 43–50.

6. *Луговская Е.Г.* К вопросу о соотношении устной и письменной речи в условиях виртуальной коммуникации // Русский язык в интернете: личность, общество, коммуникации, культура: Сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. Москва, РУДН. 8–9 февраля 2017 г. / Под общ. ред А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. – М., 2017. – 544 с.

7. *Луговская Е.Г.* Психолингвистические и социолингвистические аспекты двуязычного переключения кодов // Вестник Приднестр. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (55). – С. 19–24.

8. *Щукина О.В.* Особенности обучения иностранному языку в контексте развития этноязыковых процессов в поликультурной среде // Межкультурный диалог и вызовы современности: Мат. Междунар. науч.-практич. конф. / Под общ. ред. В.П. Степанова, Т.В. Серегинной; предисл. проф. В.П. Степанов, Т.В. Серегина, Т.Н. Гелла: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева. – Орел, 2017. – с. 570–579.

9. *Щукина О.В.* Реализация грамматической интерференции в английской речи носителей русского и молдавского языков // Вестник Приднестр. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (55). – С. 3–8.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Глава I. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И БИЛИНГВИЗМ.....	6
§ 1. Языковая личность в условиях глобального билингвизма	7
§ 2. Взаимодействие языковых систем в ситуации билингвизма	14
§ 3. Особенности билингвизма в Приднестровье	24
Глава II. ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РЕЧИ НАЦИОНАЛЬНО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ	33
§ 1. Основные подходы к описанию фонетической интерференции при обучении русскому языку билингвов Приднестровья	35
§ 2. Основные подходы к описанию фонетической интерференции при обучении иностранному языку билингвов Приднестровья	57
Глава III. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИНТЕРФЕРЕМЫ В РЕЧИ НАЦИОНАЛЬНО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАБОТЕ С ОШИБКАМИ, ВЫЗВАННЫМИ НАЦИОНАЛЬНО-РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИЕЙ.....	70
§ 1. Грамматическая интерференция в речи украинско-русских билингвов Приднестровья.....	71
§ 2. Грамматическая интерференция в речи молдавско-русских билингвов Приднестровья.....	80
§ 3. Грамматическая интерференция при изучении английского языка национально-русскими билингвами	96
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	104